

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
Общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
Издательское республиканское унитарное предприятие «Мастацкая літаратура»

Главный редактор
Наталия Николаевна КОСТЮЧЕНКО

Редакционная коллегия:

*Владимир Андриевич, Алесь Бадак,
Виктор Васильев, Мария Воинова-Стреха, Вадим Гизин,
Александр Коваленя, Тамара Краснова-Гусаченко,
Михаил Поздняков, Елена Попова (председатель),
Олег Пушкин, Николай Чергинец,
Наталя Шарангович, Виктор Шнип*

Адрес редакции

Юридический адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: mail@mastlit.by

Почтовый адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: netaimag@gmail.com
Телефон: 270-84-65

Подписные индексы:

74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации № 11 от 19.07.2021,
выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель

Издательское республиканское унитарное предприятие «Мастацкая літаратура»

Технический редактор, компьютерная верстка: *Н. А. Артёмова*
Стильредактор: *О. В. Козлова*

Подписано в печать 14.12.2022. Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,60. Уч.-изд. л. 10,30. Тираж 610. Заказ

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск.

К сведению авторов

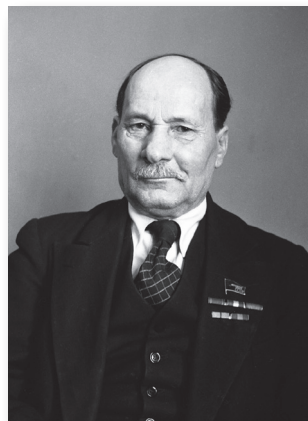
*Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.*

К 140-летию со дня рождения Якуба Коласа

Якуб КОЛАС

Новая земля

Главы из поэмы

XXII. НА ГЛУХАРИНЫХ ТОКАХ

Отбыл свое февраль понурый.
Денек помалу прибывает,
Все ярче солнышко сверкает,
И речка лед ломает хмурый.
Ступай, зима, ступай в дорогу:
Прошел твой срок, и слава богу!
Ты видишь: меж снегов вчерашних
Чернеет давешняя пашня!
Пригорки явно поумнели —
Гляди, как сильно полысели.
И лес не зря такой веселый,
И даже дуб смеется голый!
Ты слышишь песни за оконцем?
Уже лучи живого солнца,
Пронзая ткань лазурной глади,
Готовят свадебное платье
И ткут корону дорогую
Венчать землицу-молодую...
Пора, зима, тебе сниматься
И прочь с куделью убираться!
И вот в один денек занятный
Загомонили перекаты.
Веселый шум и звон повсюду,
Цимбал и дудок перегуды
Плывут и ширятся над миром —
Идет весна с волшебной лирой,
На струнах солнечных играя;
На звон ее слетелись стаи,
И жизнь повсюду возникает,
И пташка песню начинает.

— Весна должна быть урожайна:
Вода шумит необычайно,
Как гром далекий — густо, глухо

И как-то сладостно для уха, —
Михась, придя домой с обхода,
Сказал загадочное что-то.
А Костусь долго не гадает,
Послушать шум тот выбегает;
И правда: звук так интересен...
Ах, как же этот мир чудесен!
О чем гудит вода так важно,
Так мелодично, так протяжно?
Похоже, хитрая водица
На предсказанья мастерица,
Коль наперед так много знает
И урожайность предвещает,
Что даже папа счел за правду.
Пришел приказ ему назавтра,
Что батька ждал и вот дождался,
Чтоб он в Комлищи собирался,
Где глухари затоковали —
На них охоту затевали;
А наперед охоты этой
Вечерней зорькой и рассветной
Тот ток подслушивать ходили,
Подходы мысленно чертили,
Пока паны не приезжали.
Два шалаша в бору стояли:
Один — еловый, сложен просто,
Другой — лабаз большой, с помостом;
И вот, как панство наезжало,
То тут оно и ночевало.
Лесник в своей конурке гнулся,
И хоть к огню всю ночь тянулся,
Но и с костром не лучше было:
Один бок мерз, другой коптило.

Михал собрался, снарядился
И в лес помалу потащился:
В лесах снега еще лежали,
Хотя с пригорков отступали
И больше прятались в ложбинах
Да темных сумрачных низинах.
Зима весной сменялась юной.
Михал шагал, с ним шли раздумья,
А с теми образы вставали
И в сердце отклик вызывали.
И часто дум коловращенье
Волной глухого возмущенья
Его охватит и накроет
И душу вдруг на гнев настроит.
Панам веселье да забава,
Они потешатся на славу,
А ты, как тот библейский Каин,

Таскайся, пану потакая,
Да все равно виновен будешь,
Крутись — «пся крэв» одну накрутишь,
На ровном месте обругает,
А то и хуже выпадает.
Была б своя земля и хата —
Послал бы к черту безвозвратно
И службу панскую, и милость,
И все, что в сердце накопилось!
И много дум накатит разных,
Пока дойдет он до лабаза.

У шалашей костер пылает,
Михала Пальчик там встречает;
А вслед за ним идет Гавака,
Объездчик старый и служака.
Сидит Абрицкий на колоде
И греет ноги, трубку курит,
Завел беседу, балагурит
О том, что в голову приходит.
Чего он только не помянет!
Кому он в душу не заглянет!
Припомнит сплетню про любого;
И для панов найдется слово,
Ведь пан Абрицкий мало-много
Меж ними терся всю дорогу;
Был на Полесье, на Волыни,
Куда бродягу черт не кинет!
Сидел с ним рядом Демидович,
Еще бок о бок — Астахнович,
Все лесники немолодые,
И парни зрелые, такие,
С кем можно выпить за здоровье,
Но кто попортить мог и крови,
Чего Абрицкий не чурался.
По службе выйдет упущенье
Иль так, минутное смущенье,
Абрицкий враз подцепит рьяно,
Чтоб донести об этом пану
Да от себя еще прибавить,
Чтоб человека обесславить;
Вот то учитывали тоже
И с ним держались осторожно,
Хотя в лицо не обвиняли.
Да лесники про случай знали,
Когда Абрицкий промахнулся
И под Пшавару подвернулся.
Пшавара был лесник сердитый
И, так сказать, не лыком шитый:
Широк, плечист, горазд на крик,
И с ним до трех не говори!

Валерий ГРИШКОВЕЦ

Уходя, остаюсь¹

*Автобиографический роман
в форме дневника*

3 января 2020 года. Тихо, солнечно. Днем +3 °С.

1 января с утра было ясно — ни облачка, тихо, солнце, словно на дворе не середина зимы, а конец марта — начало апреля. Даже не верится: вчера с вечера моросил нудный дождь, пришел с прогулки по предновогоднему Пинску — куртку хоть выжимай, джинсы повесил на просушку. А тут... <...>

Лег в третьем часу, встал в 9:25. Порадовался солнцу, чистому небу и... своей трезвости! Сварганил кашку, запил кофе с молоком и пошел прогуляться. Глянул на часы — 11:21. На улице — редкие прохожие, редкие машины. Лужи подернуты ледком, отражают небо. Как-то и забылось, что хотелось снега. Вот что значит много солнца и света...

Тихо в городе, спокойно на душе. Не помню, когда и было такое. Часа полтора бродил по набережной, сидел на скамейке — то тут, то там. Красота!.. Побольше бы таких дней! Впрочем, пережил Новый год — значит, дело к весне...

Первый в этом году рабочий день. Больше месяца не было экскурсий. Обзванивал школы района, ученики которых должны были посетить музей осенью и в декабре. Директора от экскурсии не отказываются, мол, школьники постоянно ездят по памятным местам. Посетят и музей Блока...

Взялся было за поэму Якуба Коласа «*Шляхамі волі*». Нет, на подобное произведение сил уже не хватает. А вот письма Песняра, его дневники и сказки принимаю с интересом. Решил полностью перечитать трилогию «*На ростанях*». Кое-что из нее читал еще в молодости, но в переводе на русский. Помнится, скучал, но надо было отвечать на экзамене в «вечерке». Теперь же четыре главы пошли довольно легко, на одном дыхании. Проза Коласа гораздо лучше, нежели я думал о ней. Весьма этому порадовался, буду продолжать. Помню, просматривал «*Новую землю*» в переводе на русский, впечатление было хорошее. Надо прочесть в оригинале...

В Лопатинской библиотеке — порядка десяти тысяч книг. Немало и *читава*: детективы, любовные и прочие подобные романы, но беру в основном белорусские книги, классику, восполняю пробелы. С интересом и даже удовольствием прочитал повести Василя Быкова, стихи Пимена Панченко,

¹ Журнальный вариант. Окончание. Начало в № 11 за 2022 год.

Максима Танка, Кастуся Киреенко. Кстати, у Кастуся Киреенко немало хороших лирических стихотворений. Почему-то никто нынче не вспоминает этого, еще недавно знакового, поэта, писателя. Впрочем, не вспоминают и других, довольно ярких для белорусской литературы личностей: Анатоля Велюгина, Анатоля Астрейку, Антона Белевича, Алексея Пысина. Разве что в дни юбилеев. Как, например, Ивана Чигринова. Кстати, снова попытался прочесть его романы. Рассказы читал не без интереса, а вот «*Плач Перапёлкі*» и «*Апраўданне крыві*» — не пошли. Не воспринимаю и прозу Владимира Короткевича. Даже его самые популярные романы «*Чорны замак Альшанскі*» и «*Дзікае паляванне караля Стаха*» до конца так и не осилил, хотя не раз брался. Нет, не для меня это. Подобную литературу я не воспринимаю и не принимаю. Я реалист. Суровый реалист. Не верю я *творам*, где действуют герои с качествами людей, которых в реальности не было и быть не могло в силу наших житейских обстоятельств. Возможно, я ошибаюсь. Но первое восьмитомное собрание сочинений Короткевича долго стояло в моем шкафу. Кое-что читал. Нашел гениальное стихотворение «*Заяц варыць піва*», были и другие сильные стихи, к примеру, «*Беларуская песня*», а так... стихи — как и большинство белорусских стихотворений того времени — на своего читателя. Из прозы Короткевича самое сильное впечатление на меня произвел очерк «*Званы ў прадоннях азёр*». А романа «*Каласы пад сяром тваім*» едва страниц сто осилил. За «*Хрыстос прыямліўся ў Гародні*» даже не брался. Полистал, полистал и... не идет мне такая проза, не идет. А когда съезжал с квартиры на Федотова, собрание сочинений Короткевича отдал Толе Шушко. Он принял его как величайший подарок. Что ж, воистину — каждому свое...

А вот и сообщение из Минска: вышла моя книга «*Остаюсь навсегда...*». Спросили: хочу ли ее приобрести? Заказал три экземпляра. Вполне возможно, часть тиража пустят в продажу, хоть книга предназначена для пополнения библиотечного фонда. Вот и придется самому выкупать. По крайней мере, в Пинске. Кто кроме меня ее купит?..

4 января. Вчера, возвращаясь из Лопатино, снова наблюдал закат солнца. Ничего вроде нового, а глаз не оторвать! Огромный, как будто живой, красный шар катится, уменьшаясь, пока совсем не пропадает за горизонтом. Такие закаты чаще всего бывают зимой, когда стоит теплая погода без ветра. Сегодня, правда, пасмурно, но не холодно. Днем +3 °С.

На работе читал первую часть трилогии Якуба Коласа «*На ростанях*» — «*У палескай глушы*». Что-то до боли знакомое, если не сказать, родное. Что ни говори, но где-то глубоко во мне сидит «западэнец» — полешук с Пинских болот. Поэтому никогда не был мне близок Янка Купала — главный белорусский классик. <...> Беда белорусской поэзии в том, что становление ее пришлось на послереволюционный период и следовавшие за этим «культы» — партии, комсомола, Ленина, Сталина. А потом — война, послевоенное отстраивание страны, «счастливая колхозная жизнь», которую воспевали почти все белорусские поэты. Индивидуально и хором. Вплоть до развала СССР. Правда, начиная с середины 1960-х, снова стали появляться настоящие стихи и поэты — Степан Гаврусев, Генадь Клевко, Рыгор Бородулин, Михась Рудковский, Микола Купреев... Новый всплеск в развитии белорусской поэзии пришелся уже на мою память — самый конец 1980-х. <...>

Вспоминаю, как в Москве зимой 1996-го я нередко захаживал в отдел поэзии «Литературной России». Уже раза два-три в еженедельнике прошли

публикации моих стихов, и заведомо поэзии Аршак Тер-Маркарян привечал меня, как равного, правда, как все шибко амбициозные и мало что сумевшие авторы, любил поучать, подчеркнуть свою значимость ни много ни мало — для литературы. В тот мой приход Аршак разразился экскурсом не только в русскую поэзию, но и филологию, заметив, что самый трагичный в русской словесности звук — «эр».

Назавтра, дежуря на стоянке храма Благовещения, где я уже неплохо обжился, много читал и писал, вспомнив разговор в редакции «ЛитРоссии», взялся написать стихотворение, в каждом слове которого непременно присутствовала бы буква «р». И это довольно легко удалось мне. Помнится, там были примерно такие строки: *«шуруют... президент, парламент, кочегарки — дыму-гари, черт не продохнет!..»* <...>

6 января. Рождественский сочельник. В ночь с 4-го на 5-е выпал снег.

Получил от Кожедуба поздравление и предложение почитать его *«Байки о писателях»*. Прочитал с удовольствием! Алесь умеет писать на подобные темы. И стиль — настоящий писательский стиль. И юмор, и сарказм, и сатира поданы умело, ненавязчиво, даже скрыто, и при этом чувствуется доброе отношение автора к своим героям. Что ж, талант...

Спросил у Кожедуба про одного из героев его рассказа, Иосифа Скурко. Получил ответ:

— Поэт Скурко был родственником Макина Танка. Он, конечно, пил, как и все, но с его смертью связана какая-то темная история. Если даст Бог свидетеля, расскажу. А поэты всюду одинаковы. Настоящих крайне мало. Тебя здесь, между прочим, ценят, в отличие, наверное, от земляков. Но это тоже типично...

Что ж, весьма приятно. Пусть мало кому это теперь интересно, но все же, выходит, и я прожил жизнь не зря. Не нажил добра и никогда шибко не думал о богатстве, благополучии, жизнь, можно сказать, положил на творчество. Выходит, не совсем впустую. И на том спасибо!.. <...>

20 января. Средиземноморское побережье Испании завалено снегом. Сугробы — до балконов вторых этажей зданий, из них торчат верхушки пальм. Снегоуборочные машины едва видны из-за завалов. А на Полесье — ни снежинки! Зеленеет трава, то в одном, то в другом месте зацветают растения, прорастают грибы...

Смотришь на все это, читаешь в сети и... веришь и не веришь. Я ведь помню совершенно другие зимы — с заносами, с морозами за 20 и даже 30 градусов! Не было зимы, чтобы дети не бегали с санками, на лыжах, на коньках. В парке и на стадионе «Трудовые резервы» заливали каток. А как мы устанавливали в больших замерзших лужах, на сажалках, на реке карусели и гоняли так, что земля кругом летала!.. А хоккейные баталии с самодельными клюшками из горбатых веток, из каких-то реек и фанеры... Консервную банку, что была нам вместо шайбы, так разбивали, что превращалась в кусок металла!..

А нынче зима лишь пахнула снегом, пару раз побелила траву и крыши, и на этом пока все. Чуть ли не каждую неделю читаем и слышим про очередной погодный рекорд...

Вчера сходил в храм, подал записки, поставил свечи, помолился о здравии и об упокоении родных, дорогих и близких. Надеюсь, Господь и меня, греш-

ного, слышал. Сделал пожертвования, набрал святой воды и... ушел налегке. По крайней мере, довольным и немного умиротворенным, сознавая, что вот и я — не такой уж пропащий... <...>

24 января. ...Был у Любы Шушко. Она хочет издать избранное Толи. Давно и не раз говорили с ней об этом, и вот — полна решимости взяться за работу над книгой покойного мужа — поэта Анатоля Шушко. В Беларуси немного было и есть литераторов уровня Шушко. Толя был поэтом от Бога и жил как поэт. <...>

Читаю Якуба Коласа. Вторую часть трилогии *«На ростанях»* — *«У глыбі Палесся»*. Первая часть трилогии — повесть *«У палескай глушы»* произвела самое хорошее впечатление. Конечно, стыдно, что, проживая седьмой десяток, наконец-то собрался почитать одного из главных белорусских классиков. Но, как говорится, лучше поздно...

Читать повести Якуба Коласа гораздо интереснее, нежели прозу многих и многих белорусских современников. Я уж не говорю про других классиков белорусской литературы... Безусловно, у каждого из писателей есть что-то свое, интересное, заслуживающее внимания. Но Якуб Колас — первопроходец белорусской литературы — в большей степени опирался на великую русскую литературу. Самое главное, что есть в прозе Коласа, — это простота, глубина, человечность (народность). Ну и, конечно, язык, стиль. По-моему, это — главные качества любого прозаического произведения. Впрочем, на великую русскую литературу опирались все без исключения белорусские писатели вплоть до литераторов последних призывов. <...>

Конечно, я читал и читаю далеко не все и всех. Думая о белорусской прозе конца XX и начала XXI столетия, сожалею, что уехал в Москву и стал писать по-русски Алесь Кожедуб, а его тезка Алесь Асташенок написал немного и рано ушел из жизни. Впрочем, если внимательно читать лучших белорусских прозаиков, что пришли в литературу в конце 1980-х — начале 1990-х, творчество Кожедуба и Асташонка оказало немалое влияние на современных прозаиков Беларуси. А это уже немало...

Получил бандероль со своей книгой *«Остаюсь навсегда...»*. В итоге получилось то, что я и ожидал. Вполне полагаю, это можно было бы назвать *«Избранное»*. Но... И за это спасибо! Николаю Чергинцу и моему членству в СПБ, Алесю Карлюкевичу и прочим причастным. Глянул в выходные данные: 15,85 учетно-изданных листов, тираж — 831 экземпляров. Не худшие по нынешним временам показатели. <...>

27 января. Кошель прислал дневниковые записи Давида Самойлова — более четырехсот страниц. Читаю с большим интересом. А параллельно с этим — в рабочие дни — повесть Якуба Коласа *«У глыбіні Палесся»*. Боже мой! Какая пропасть между этими писателями!.. Вроде и жили почти в одно время, но... какие разные, совершенно непохожие люди и писатели! Впрочем, этим и хороша литература, сама жизнь человека — своей разницей, разностью и непохожестью...

Читая записи Давида Самойлова, очень многому удивляюсь и даже поражаюсь. Например, тому, что Самойлов, оказывается, не жаловал А. Межирова. Да и Межиров, судя по этим записям, не очень-то принимал написанное Самойловым. Не любил Самойлов и Юрия Кузнецова. Ну, это мне понятно, как и то, что Самойлов не принимал Ст. Куняева, Т. Глушкову, В. Кожинова. Я уж не говорю про Н. Грибачева, А. Суркова и других литературных

«аксакалов» тех лет. Несколько удивило отношение Д. Самойлова к творчеству Вл. Войновича. И не только к его литературному творчеству, но и как к человеку, коллеге. Впрочем, Давид Самойлов был не только умным, хорошо образованным литератором, но и обладал художественным вкусом, писал немного, но стихи его, как правило, не были плоскими, их отличала глубина мысли и безупречность формы. Потому, скорее всего, Давид Самойлов переводил исключительно европейскую поэзию, прозу, драматургию, а еще — поэтов Прибалтики: литовцев, эстонцев, латышей. Да и не случайно он много времени проводил в Прибалтике, а потом и вовсе купил дом и поселился в Пярну. Это тоже было своего рода диссидентство, протест, причем не только против системы, но и против недавних друзей, коллег и товарищей по литературному цеху. И для постоянного проживания выбрал не Латвию, не Литву, а именно Эстонию — самую несоветскую, если можно так выразиться, республику Советского Союза. Это тоже много говорит о характере и взглядах Давида Самойлова.

Самойлов высоко ценил Пастернака, Мандельштама, Ахматову, из более молодых — Ал. Кушнера, И. Шкляревского и, разумеется, своих сверстников — Б. Слуцкого, Ю. Левитанского, Б. Окуджаву, Н. Глазкова, Н. Коржавина... Не очень удивило меня, что Самойлов любил прозу Вл. Максимова и А. Битова, публицистику Вл. Буковского, ну а Солженицына, хоть и не любил как писателя, но признавал его значимость как человека. Я уж не говорю про его оценку Андрея Сахарова, Льва Копелева, Юлия Даниэля... <...>

Самойлов давал невысокую оценку прозе Солженицына и других ему подобных писателей, особенно Войновича. Их проза рассчитана, прямо скажем, на людей не слишком образованных. А самого Солженицына Давид Самойлов поминает чуть не в каждой записи! И так — на протяжении почти двадцати лет, сколько вел дневник. Есть и такая, весьма существенная для меня запись, поскольку упоминается в ней мой наставник по Высшим литературным курсам Юрий Кузнецов. К слову, давший мне рекомендацию для вступления в Союз писателей России после того, как у нас с ним случился довольно резкий разговор. Я не принял сторону Ю. К., а остался верен дружбе с Ф. Ч., которого Кузнецов отчислил из своего семинара в Литинституте. Другой порвал бы рекомендацию, а Юрий Поликарпович передал мне ее через Алеся Кожедуба. Это, по-моему, много говорит о Кузнецове, поэте и человеке.

Привожу запись Д. С. от 27 апреля 1976-го года: *«Солженицын неминуемо должен породить новый тип писателя: властитель хамских дум, божьей милостью хам».*

Поэт Ю. Кузнецов — первая ласточка.

Хамы милостью божьей».

Комментировать не стану, не хочется. Но это высказывание Самойлова еще раз убеждает меня в одной давней моей мысли, которую старательно, изо дня в день, гоню от себя.

В своих записях Самойлов часто упоминает Евгения Евтушенко. Отзывается неплохо, иной раз даже по-братски тепло, хотя несколько раз говорит о нем, как о человеке неприкрыто наглom, расчетливom, самолюбивom. И как поэта ставит Евтушенко невысоко. Вознесенского — тем более. Имя Рождественского, тогда просто распулyарного поэта, встречается всего два или три раза. Мельком, а единожды и вовсе так: *«Рождественский, который вёл это*

дело¹, кисло со мной поздоровался». Так что, узнавая ближе Самойлова, понимаешь отношение поэта к творчеству Рождественского и его деятельности в Союзе писателей СССР.

В дневнике Давида Самойлова — десятки, сотни хорошо знакомых мне имен: по книгам, по стихам, по кино. Правда, многих довелось знать и лично. Встречать, слушать, а то и говорить с ними. Тех же С. Куняева, В. Кожина, Т. Глушкову, не говоря уже про Юрия Кузнецова или Петра Кошеля. Не всегда оценки Самойлова их как литераторов и личностей совпадают с моими, но надо признать, Давид Самойлов умел буквально двумя-тремя короткими предложениями дать исчерпывающую характеристику тому или иному писателю, поэту, произведению. Читая записи Самойлова, хочется и самому быть хоть немного умнее, начитаннее, порядочнее.

Поразило мнение Самойлова о СМОГе и его лидере Леониде Губанове, лет тридцать тому возносимых московской пишущей публикой до небес. Давид Самуилович с первого взгляда на Губанова и других «молодых гениев» разглядел в них обычных, как квалифицировал советский КГБ, отщепенцев от поэзии, а точнее — от литературного процесса. Поэзии в стихах юных «гениев» было ровно столько, сколько и гениальности. А вот оценка творчества Арсения Тарковского нисколько меня не удивила: А. Т. — обычный, высоко поднятый непонимающими поэзии людьми, стихотворец. И — не более того! Интересна и вполне понятна оценка Владимира Солоухина. И талантлив, и умен, и то, и другое, но... чужд, неприемлем.

Странно и то, что ни разу не упоминается имя Евгения Винокурова, известнейшего в то время поэта, педагога, или Константина Ваншенкина, прекрасного, тонкого лирика, чьи песни пели от Камчатки до Бреста. Тем более удивительно, что Винокуров и Ваншенкин одного с Давидом Самойловым поколения — поэты-фронтовики, шагнувшие в пекло войны со студенческой скамьи не по призыву, а по зову сердца, по чувству долга. Однажды мелькнуло имя Михаила Светлова. И то — лишь в перечне других имен с весьма нелестной характеристикой. А Михаил Светлов был не просто поэтом старшего поколения, а кумиром для многих сверстников Самойлова, душой разных арт-компаний Москвы 1950—60-х годов XX столетия. Не менее странно для меня и отношение Самойлова к Сартру. Что угодно мог бы предположить, но в то, что Самойлов напишет *«ненавижу Сартра»*, никогда бы не поверил, не прочитай этого... А вот Семена Кирсанова, кстати, несправедливо забытого, Самойлов в своих записях упоминает, и к тому же не один раз.

Удивляет меня, что он не чурался выпивки, чего я никак не ожидал от Самойлова, порой даже напивался. Что ж, поэтам, даже большим поэтам, во все времена это было не чуждо. А во время *духовного застоя* или душевной смуты многим из них вино помогало не потерять «голос», а часто и просто *не скурвиться*.

Поразило меня то, что ближе к середине 1980-х Д. С. буквально отмечает поэзию Олега Чухонцева: *«Ч. определенно не мой поэт. В нем есть плебейская зависть к успеху...»* Интересно другое: в это время Чухонцева высоко ценил духовный оппонент Самойлова Вадим Кожин. Правда, несколько позже и с Кожинным произошла точно такая же метаморфоза. Осенью 1994-го у меня была возможность спросить Вадима Валерьяновича, почему он, мягко говоря, поостыл к поэзии Олега Чухонцева. Кожин ответил кратко:

¹ Вечер памяти Марины Цветаевой в Центральном доме литераторов. — *прим. авт.*

«Он не вытянул!» А по-моему, Олег Чухонцев вытянул, причем уже с первых журнальных публикаций. На мой взгляд, О. Ч. — один из лучших русских поэтов последней трети XX столетия.

Я его не знал как человека, видел два-три раза. Никакого общения у нас не было. Но, думаю, стихи мои Чухонцев читал. Об этом нетрудно было догадаться. Как только я назвал себя в редакции журнала «Новый мир», он сразу нашел мои стихи в довольно объемистой папке и внимательно посмотрел на меня. Правда, тут же сказал, что стихи не читал, чтобы я обратился к редактору отдела поэзии журнала П. Крючкову, и кивнул на молодого, полноватого человека в очках, сидящего за большим столом с другой стороны. Редактора Крюčkова я видел впервые, стихов его никогда не читал и не встречал даже. Меня, помнится, даже удивило, что такой человек работает редактором отдела поэзии солидного литературного журнала. Потом Чухонцев довольно пристально смотрел на меня, наблюдал, как я реагирую на отказ П. Крюčkова опубликовать мои стихи. А разговор у нас был примерно следующий: Крючков не знал, как отказать мне, путался, стал говорить что-то вроде: «У нас в журнале большая очередь на публикацию стихов, вам придется ждать не менее пяти лет...» На что я ответил, как мне кажется, весьма уместно. Я поздравил Крюčkова с ударной работой. Сказал, что раньше, при советской власти, за такую работу ордена давали. И работали так: пятилетку — за три года! А то и за год. Пожелал ему и в дальнейшем держать такой же ударный темп работы и вышел из кабинета. Потом Олега Чухонцева я два раза видел в ЦДЛ, слушал его выступления. Свои стихи Чухонцев читал неважно, что весьма характерно для людей, пишущих хорошую, глубокую лирику...

Читая записи Самойлова, постоянно ловлю себя на мысли, что их автор — мудрец, каковых среди писателей единицы. Интеллектуал, человек большого ума, тонкий мастер стиха. Поэтому непонятно: за что можно ценить стихи Олеси Николаевой или Татьяны Бек? А Олега Хлебникова? Обычные высокопросвещенные сухари. Или, скажем, поднимать до небес стихи Павла Антокольского, при этом особо не жалуя поэзию Твардовского? Я не отрицаю: Павел Антокольский — серьезный поэт, но до масштаба Твардовского ему далеко. В своих записях Самойлов ни разу не упомянул Михаила Исаковского, одного из самых известных лириков довоенных и послевоенных лет. Как, впрочем, и многих других, широко известных тогда поэтов. Да что там лирик Исаковский, если имя Ильи Сельвинского Самойлов упоминает лишь однажды! А Илья Сельвинский — поэт большого размаха, наставник не одного поколения советских литераторов. Маяковский смолodu выкидывал фортеля, так что совсем неслучайно он ради красивой жизни бросил свой исключительный талант под ноги советской власти. Тут Самойлов, по-моему, совершенно прав, утверждая, что *трибун революции* покончил жизнь не из-за мифических несогласий с властью, а исключительно по личным, весьма меркантильным мотивам. Да и поэзия Маяковского, как и его широко разрекламированные пьесы, была не такой уж безупречной. Что ж, на вкус и цвет товарища нет — истина сколь проста, столь и верна.

Теперь понятно и мне, почему я всегда довольно спокойно, если не сказать, равнодушно, относился к стихам Самойлова, а вот, скажем, стихи Межирова принял сразу и навсегда. Нет, несколько стихотворений Давида Самойлова я даже знал наизусть и высоко ценю и сегодня — «Сороковые, роковые...», «У зим бывают имена...», стихи о Емельке Пугачеве...

Анатолий АВРУТИН

*Пока еще тропу
листой не замело...*

* * *

Купола обронули рассветную медь,
Сакуны истоптали копыта...
Ничего не узнать... Никуда не успеть...
И молежня еще не открыта.

Вы куда ускакали? Вернитесь сюда,
Воротите свое, заревое.
Где-то женщина плачет, бушует вода,
Позабыв о вселенском покое.

Где-то пенная ярость по краю летит,
Хорошо, если сникнет у края,
Оборвав этот гибельный цокот копыт,
Ничего о грядущем не зная.

Потрясенный предутренним этим лучом
И ступню о травинку обрезав,
Понимаешь, что годы свистят над плечом,
По-кулачки паля из обрезов.

Что вот-вот и нагнется плюгавенький хлюст
Над панелью с делением красным...
И уже не увидишь ни ласковых уст,
Ни рассвета с лучом непогасным.

И останется только зеленый надел,
Где не топлена хата пустая.
И Господь не узнает, чего ты хотел,
О травинку ступни обрезая...

* * *

Всей сущности первооснова,
Среди лихолетий и бед

Гудело набатное слово
И колокол вторил в ответ:

«На битву!.. За правое дело!
Ни сил не жалея, ни жил...»
Набатное слово гудело,
И колокол, колокол бил...

И люди запомнили это:
Превыше всех смертных преград
Набатное слово поэта
И колокол, бьющий набат.

* * *

На Грушевке снесли хибары,
Нет «Авангарда»... Сквер затих.
Здесь ни Наташки, ни Тамары,
Ни одноклассников моих.

Всю ночь проспект огней не тушит,
Метро, высотки, центр почти...
Но ни одной цветущей груши
На весь поселок не найти.

А впрочем, вру — какой поселок?
Он звался так давным-давно.
В эпоху школьных дней веселых,
Щелканья семечек в кино...

Здесь окна лизоблюдам били,
Стыдясь экзамен сдать на пять.
Здесь второгодники учили,
Как в небо турманов поднять.

Был ржавый велик назван лайбой,
Почти взлетая, хоть бескрыл...
Директор школьный звался Шайбой,
Поскольку Шаевичем был.

Он — лысый, низенький, картавый,
С ремнем, не держащим штаны,
Достиг невиданнейшей славы
У этой грушевской шпаны.

Сугубо штатский и неловкий,
Космополит, властям не мил,
Он выручал их из ментовки,
А после — ужином кормил.

Валентина ДРОБЫШЕВСКАЯ

День перед Рождеством

Два рассказа

Пятница и мешок картошки

Пятница... О! какое сладкое слово! Сколько смыслов и простора! Не знаю, написал ли какой-нибудь поэт хвалебную оду этому недельному событию, но народная мудрость давно огласила, что ПЯТНИЦА — ... И потянулся целый состав из вагонов-приключений с шутками-прибаутками. Но всякий раз не знаешь, в вагон с каким названием ты, смакуя свободу, войдешь именно в эту пятницу: Дружеский, Диванный, Дачный, Ресторанный, Гаражный, Театральный... Ведь никуда не надо спешить. И, даже если не хватит вагона, все равно не волнуешься, потому что есть еще неимоверное количество «маленьких тележек». Успеешь! Самое главное в пятницу — вовремя отключить будильник, и тогда она продлится как минимум тридцать шесть часов.

В пятницу 13 декабря я тащила себя с работы. Мыслей — ноль. Эмоций — пустота. Просто усталость. Выдыхаю понедельник, вторник, среду, четверг и пят... Звонок.

— Анечка, и тебе картошку передала. Помнишь племянника соседа тети Нины Андрея?

— Здравствуйте, крестная! Какого Андрея? Какую картошку?

— Домашнюю картошечку, без химии. Новый сорт вырастила. «Королева Анна» называется. Одна в одну!

Молчу. Сопоставляю факты. Крестную не остановить:

— Я весной семена купила у двоюродного брата жены нашего дяди Коли. Пытаюсь хоть что-то понять. А крестная продолжает:

— Сегодня к Пете, соседу тети Нины, приехал Андрей из Минска. Не знаю, что привез, но машину долго разгружали. Так я подошла и спросила, когда он обратно. Красивый такой парень, воспитанный. Сегодня в Минск и поехал. Я ему целый мешок передала, он сам из подвала его вынес, в машину загрузил, сказал, что и тебе на этаж занесет. А то взобрались на свои восьмые-десятые! Он тебя помнит еще с похорон мужа тети Светы. Уже скоро должен приехать. Выехал в три часа дня. Я ему твой адрес написала.

— А телефон? — уточнила я. — Номер моего мобильного Вы ему написали?

— Так я чего и звоню. Я так спешила с картошкой, что написала твой старый номер.

— Крестная, номер у меня сменился три года назад.

— Знаю. Все забываю вычеркнуть лишнее в книжечке. Вот вчера тете Янине целый вечер набирала-набирала — тишина, а потом в час ночи

перезванивает какой-то Эдик. Я у него спрашиваю: «Где Янина?» А он мне отвечает: «Янина — у камина». Разволновалась. Всю ночь не спала. А утром в книжечку посмотрела: номер не тот. У Янины последняя цифра шесть, а я девять набрала. Сегодня все старое вычеркну. Ты, Анечка, уже дома?

— Нет, буду через десять минут.

— Так Андрей, видимо, уже возле тебя. У него машина синяя, иномарка. Перезвони, когда картошку разгрузите.

— А номер машины?

Короткие гудки.

Звонок.

— Аня, все в силе? В 18:00 я у тебя! А потом составим план дальнейших действий. Ох, и люблю я пятницу!

— Люба, — только обратилась я к подруге, но... гудки.

Мой вечерне-пятничный зарелаксированный мозг вдруг отчаянно взорвался.

— Черт! — выкрикнула я и набрала крестной. Нет ответа. Набираю подруге — на удержании.

Подхожу к своему подъезду — никого. Вдруг возле соседнего дома, стоящего перпендикулярно нашему, увидела мужчину с мешком. «А вот и Андрей», — подумала и направилась к хваленному крестной красавцу. Но, подойдя поближе, поняла, что крестная, как всегда, все преувеличила, так как рядом с мешком стоял немолодой мужчина с ярко выраженным «пивным» животиком.

— Добрый вечер! Это вы мне картошку привезли? — обратилась я к мужчине.

Незнакомец, поперхнувшись дымом от сигареты, прокашлял:

— А что! Может, и вам!

— Так мне или нет?! — с возмущением переспросила я и уточнила: — Вы же Андрей?

Мужчина расплылся в улыбке, обнажив свой золотой зуб, и утвердительно кивнул головой.

— Так Вы не там разгружаетесь. Мой подъезд у того дома, — указала я.

— Да, да, конечно! Не у того дома... Вот так пятничное чудо на мою долю выпало! Красавица какая! А как вас зовут? — спросил мужчина.

— Вам же крестная мой номер написала и, думаю, имя. Только номер она вам старый дала, потому вы мне и не дозвонились.

Андрей не сводил с меня глаз и казался немного обезумевшим.

— Давайте быстрее перевезем картошку! Ко мне скоро подруга в гости придет, — торопила я мужчину.

— Еще и подруга! — почему-то восхитился Андрей и засуетился: — Я сейчас. Быстро все сделаю! Вот так пятница!

— Что? — переспросила я.

— Ничего, красавица! — ответил мужчина, схватил мешок, расположил на своем «значительном» животе и понес к моему подъезду.

— Андрей, а не проще ли подъехать? — я попыталась вмешаться в супер-скоростной процесс доставки.

Но мужчина просто мчался, что-то бубня себе под нос. Я бежала за ним, забыв и о недельной усталости, и о злосчастных каблуках.

И вдруг навстречу нам — широкая невысокая фигура. Мужчина остановился как вкопанный, стараясь вжать мешок картошки в свой «трудовой мозоль».

— Андрей, Вы устали? — спросила я и предложила: — Давайте помогу!

— И чем же ты ему поможешь? — заорала невысокая широкая фигура, оказавшаяся пожилой женщиной, и завопила на весь двор: — Батюшки святы, ах ты, кабель безродный! На молоденьких потянуло? Теща все лето на грядках пахала, картошку для них растила, а он моей картошкой решил девок соблазнять?!

— Вера Ивановна, мама, — обратился Андрей к женщине, — и чего вы кричите? Я, между прочим, картошку выгодно продаю. Хотел Леночке подарок сделать на выходные. А вы... Злая вы, мама....

— Бизнесмен недоделанный! — продолжала орать «мама». Хорошо пользоваться тещиным трудом. Самому заработать на подарочек не приходило в голову? А ты, — переключилась на меня разъяренная женщина, — ты вертихвостка городская, сама картошку вырастить не можешь? Так на рынке купи. Взяли моду дураков искать. Ох, скажу я дочке. Она тебе все космы повыдергивает.

Я потеряла дар речи. В голове вертелась только одна мысль: «Это все пятница тринадцатое, пятница тринадцатое...» И я рванула к своему подъезду, оставив в полете «Извините. Обозналась».

Вбежав в квартиру, не разуваясь, упала на диван в гостиной и зарыдала.

В брошенной в коридоре сумочке разрывался телефон.

— Это крестная, — думала я. — Пусть звонит. Я никакой картошки у нее не просила. Это же надо так вляпаться. А если эта «теща» днем меня увидит? Будет мешок позора. А этот «кавалер»... Ужас какой-то. И чего я такая несчастливая? — выплакивала я накопившуюся годами жалость к себе.

Телефон не умолкал. К нему добавился и звонок в дверь.

— Люба! — вспомнила я и побежала встречать подругу. Но вдруг меня остановила страшная мысль: «А если это жена или теща этого «кавалера»? Или, может, они все вместе пришли...»

— Не буду никому открывать, — решила я и отправилась в ванную. — Если что, скажу, что не слышала звонков из-за шума воды.

Контрастный душ сделал свое дело. Тело было в тонусе, а воспаленный мозг немного поостыл.

Переступив порог ванной комнаты, я поняла, что за ним ничего не изменилось: звонок в дверь, звонок телефона...

— Да что же это такое?! — в отчаянии спрашивала я непонятно кого. И вдруг за дверью раздался громкий голос Любы: — Надо МЧС вызывать.

«Только МЧС мне сегодня и не хватало» — подумала я и решительно открыла дверь.

— Ты что это, подруга, гостей в дом не пускаешь? Двадцать минут звоним и в дверь, и по телефону. Что случилось? — Люба внимательно оглядывала квартиру.

— Да ничего. Просто в душе была, — попыталась оправдаться я. — Смыкала недельную усталость.

— Твой душ всю душу мне перевернул, — возмущалась подруга. — Андрей, заходи! И открой мне, пожалуйста, шампанское, а то переволновалась я.

И тут на пороге квартиры появился высокий молодой человек с мешком картошки.

— Добрый вечер! Это Вам из деревни передали. Я — Андрей.

Я совсем растерялась и, заикаясь, промямлила:

— Спасибо, Андрей. Извините, что так получилось.

А потом, подняв глаза на нежданного гостя, произнесла:

— Я Вас помню.

— А я Вас и не забывал, — улыбнулся молодой человек и спросил: — Мешок-то куда поставить?

— Неси сюда, на кухню, — распорядилась Люба, разбирая свой пакет с продуктами.

— Да, на кухню, — подтвердила я и, окончательно растерявшись, предложила: — И раз уж так вышло, давайте поужинаем вместе.

А потом, сообразив, что встретила гостей босиком и в банном халате, выпалила: — Я мигом! — и умчалась переодеваться.

Прошел год.

Вечером во вторую пятницу декабря я, счастливая, мчалась домой с работы. Вот уже четыре месяца каждая моя пятница носила звучное название «Семейная», но имела множество непредсказуемых приятных оттенков.

— Что же Андрей придумал на этот раз? — размышляла я, предусмотрительно проверив наличие в сумочке билетов на завтрашний концерт.

Открываю дверь — в коридоре напротив входа стоит мешок картошки, завязанный подарочной золотистой лентой. Из кухни выходит улыбающийся муж с вопросом:

— Вам случайно мешок картошки не нужен? — и дарит мне восхитительные белые розы.

— Спасибо, любимый! И...

Звонок. Отвечаю:

— Здравствуйте, крестная. Да, все хорошо.

— Я тут новый сорт картошки вырастила, «Маргарита» называется. Ох и вкусная картошечка! Пусть Андрей придет — наберет мешок.

— Конечно, крестная, — ответил супруг и с нежностью погладил мой округлившийся животик.

День перед Рождеством

Костя с Леной на новеньком кроссовере XRAY цвета черной жемчужины (взяли в кредит две недели назад) ехали на рынок докупить кое-что к празднику. Завтра — Рождество. Будет полон дом гостей. А их семья всегда славилась пышными празднествами. Лена — хозяйка, каких поискать. Да и Костя не лыком шит: все горит в его натруженных сильных руках колхозного водителя. Во всем в семье лад и везде порядок.

Стоянка перед рынком была забита машинами. Костя с третьей попытки нашел-таки местечко и припарковался. Вскоре муж и жена растворились в шумном и предпразднично ярком муравейнике рынка.

Дима, оставив дома незаконченную рекламу для кондитерской фабрики (благо, для передачи заказчику было еще три дня), мчался на новеньком (купил месяц назад) кроссовере XRAY цвета черной жемчужины в пригородную деревню за мамой своей девушкой. Вика позвонила ему час назад:

— Любимка! Маме срочно на рынок надо, да автобус в город только один раз в день ходит. Ты же знаешь... У мамы — хозяйство. Пожалуйста, выручи! Отвези ее на рынок! Адрес и номер телефона я уже сбросила. Не забудь:

Надежда Павловна. Все, пока, у меня клиенты. Целую! Люблю! Вечером встретимся!

Дима познакомился с Викой месяц назад, когда пришел в турагенство выбрать место для проведения отпуска, но потом передумал и купил машину. Маму Вики он видел один раз в жизни: подвозил как-то девушку в деревню, и женщина подошла поздороваться.

Навигатор привел парня точно к месту, и через пять минут Надежда Павловна с заднего сиденья автомобиля благодарила Диму и, как бы оправдываясь, перечисляла то самое необходимое, что можно купить именно на рынке. А про себя думала: «И что моя красавица дочь нашла в этом «теленке»? Такие кавалеры за ней ухаживали! А выбрала... Как говорила моя мама: “Пхні — павалюся”».

Костя с Леной отоварились по полной программе. Было куплено все по списку и даже больше. Багажник загружен. Кошелек почти опустошен... И вдруг Лена вспомнила:

— Мы же веник не купили!

— Какой веник! Что у нас дома веника нету, что ли? — возмутился Костя и добавил: — Как всегда, в последний момент ты обязательно о чем-то вспомнишь.

— Не ворчи! Я быстро. Веники на входе продаются. Надо, чтобы обязательно к Рождеству был новый веник. Это к достатку, — уже на ходу говорила Лена, а Костя, вздохнув, сел в любимую новенькую машину и включил радио «Релакс».

Дима ждал Надежду Павловну. Он не очень любил рынок. Да и женщины, бросив «Я быстро», скрылась в неизвестном направлении безразмерной предпраздничной суеты.

Довольная Лена с веником в руках мчалась к мужу, перебирая в памяти «не забыла ли чего» и найдя ответ «все купила», подбежала к машине, открыла дверь и выдохнула: «Поехали». Дима, взглянув в зеркало и увидев... веник, тронулся.

Костя ждал жену. До боли родные песни восьмидесятых навевали воспоминания: как они познакомились с Леночкой, как он увел ее у Мишки...

Лена была самой красивой в деревне, да и сейчас мужики шеи сворачивают. Тридцать лет вместе, а любовь жива. Троих детей воспитали. Вот завтра приедут их кровинушки: старшая Оля с зятем Олегом и внученькой Дашенькой, сынок Илья с беременной невесткой Мариной. Младшая, Любушка, приедет сегодня. Пока еще одна... Живет в столице, а парня так и не встретила. Да и когда ей со своей филармонией встречаться: то репетиции, то концерты... Костя вздохнул. Радовало только то, что как раз после рынка они поедут на вокзал встречать младшую дочь.

Михаил КУЛЕШ

*Мне так продолжить этот
праздник хочется...*

Я ОПОЗДАЛ

Я опоздал сегодня, как всегда,
Вдогонку не успел запрыгнуть в стремя.
Часы сломаться могут иногда,
Но никогда не остановишь время.

Нам время не дано остановить,
Тем более вернуть его обратно.
Мы ничего не можем изменить,
Все и всегда уходит безвозвратно.

Нельзя опять вернуться в ту весну,
Где счастливы мы были и беспечны,
Встречать рассветы, провожать луну
И в этой сказке оставаться вечно.

Но нужно ли былое возвращать?
И сожалеть о прожитом напрасно?
Я думаю, не стоит восклицать:
«Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»

А я уверен, нужно просто жить,
О мелочном не думать и о пошлом.
Писать стихи, работать и любить,
И никогда не сожалеть о прошлом.

УЖЕ НЕ ТЕ КРЕЩЕНСКИЕ МОРОЗЫ

Уже не те крещенские морозы,
Растратили свой градус в суете.
И смех у нас не тот, и даже слезы,
И сами мы давно уже не те.

Да, зимы наши каждый год теплее,
На Святки целый день идут дожди.

Максим ИВАНОВ

Последние каникулы

Повесть

1

В двадцатых числах марта начались каникулы, но знакомая безотчетная свобода так и не пришла. Хотя еще три месяца назад, в похожие хмурые выходные будни, все было по-другому. Уходя на работу, мать запирала дверь, и Антон просыпался. Дворница за окном шаркала фанерной лопатой, люди в сумерках спешили на работу, то и дело хлопая подъездной дверью, а он вот — лежит в постели и сейчас опять уснет. И как в младших классах дни напролет он во что-нибудь играл, что-то мастерил из конструктора, рисовал или клеил модель самолета или корабля, так в последний учебный год длинными зимними ночами он читал «Тихий Дон», сам пытался писать — один рассказ про курортный роман, другой — о неразделенной любви Бетховена — и, закончив второй, неожиданно за один вечер освободился от любви к однокласснице Кате Таболич, скромной и молчаливой девушке, то приближавшей, то отталкивавшей его весь последний год. Он сделал это без особых усилий, когда возвращался троллейбусом с подготовительных курсов в университете: слишком детской вдруг показалась ему его безответная страсть в сравнении со всем тем, о чем говорили на курсах. И тотчас, по дороге с остановки, едва он вынырнул из арки, маленькая полная луна в огромном нимбе осветила мир, снег засиял в такт каким-то искристым мыслям Антона, и в ушах светлой грустью зазвучала средняя тема второй части Шестой симфонии Чайковского. Назавтра он уже не вспоминал о Кате. А поздно вечером, часов в девять, взял и поехал на станцию метро «Пролетарская» — посмотреть, что там, потому что никогда в том районе не был (и узнал-то о его существовании только пару лет назад, когда станцию открыли). Бродил, замороженный, по пустынному городку из трех-четырех старых улиц, таких непохожих на микрорайон его детства: хоть это была далеко не Вена, но казалось, что вот сейчас двинется навстречу тень с пелериной и взметнутся из-под цилиндра горящие бетховенские глаза.

За зимними каникулами, вся в слякоти, метелях и многонедельных туманах, надвигалась обычно гора третьей четверти. Сизифовым камнем со свистом скачивался с нее каждый новый день. Чтобы упереться в него, Антон наклонял голову, и глыба заполняла собой весь горизонт. На какую отдушину рассчитывать, если впереди не брезжит ни лета, ни Нового года? Пятый месяц зима и зима, и ты прыгаешь по грязному снегу, разбивая голову о свинцовый потолок... Так было каждый год — но не на этот раз, когда выпускные экзамены и поступление в университет ураганом сгустили небо впереди. Перед этой наступающей неведомой стихией съезжилась, обтесалась гора, развеялся туман, у Антона словно выросли

крылья, и он бодро взбегал по кручам, устремив взгляд вдаль. Вся учеба сводилась теперь к ожиданию успешного школьного аттестата, к записям под учительскую диктовку ответов на вопросы экзаменационных билетов, а жизнь казалась стрелой, набиравшей скорость по мере приближения к мишени вступительных экзаменов. Что будет за мишенью, когда он пробьет ее в нужном месте и полетит дальше? Он не знал этого, но чувствовал там бесконечный, от горизонта до горизонта, свет, морской штиль, прозрачные теплые волны. И казалось, что все главное теперь происходит не в школе, а на подготовительных курсах к поступлению в университет, куда он ездил три раза в неделю. Вот сидят они, сорок человек, почти студенты, в огромной аудитории, напоминающей кинозал, только вместо кресел — скамьи и парты, и слушают *о главном*... Лекции заканчивались поздно, иногда и в одиннадцать вечера, но кое-кто из слушателей не спешил уходить (Антон всегда был в их числе) — обступали в фойе преподавателя, засыпали его вопросами. Ночная дорога домой бежала в полусне, тусклыми подземными переходами, в дыме чьего-то курева на остановке, в троллейбусном ознобе, когда заочневшими руками листаешь книгу... И непонятно было, зачем теперь эти весенние каникулы.

Но они начались. Не хотелось никуда уезжать. А уехать можно было только в Барановичи, к деду и бабушке, родителям матери. Каждый год в высоченных резиновых сапогах он отправлялся там к особой ложбине между дворами пятиэтажек и мерил глубину невероятных луж с плавающим в них льдом, устраивал палкой ледоход и был счастлив. Счастлив не от самого занятия, но от какого-то особенного в это время чувства свободы и неспешки, иные, наверное, для этого ездят на рыбалку или уходят в запой. Ценность занятие это имело только в Барановичах и только на каникулах после третьей четверти. В старших классах он, конечно, не измерял уже глубины луж, но то и дело находил повод пройти место их скопления. А сейчас вот не потянуло. Ты полон сил, идешь к цели, какой еще тебе нужен покой?.. В первый день каникул утром он пошел в еловый лес недалеко от своего микрорайона, только оттаявший, уже совсем бесснежный, но еще всю пышущий зябкой влагой и гнилью. Из-за тяжелых пластов ядовито-серого бисквита, залепившего небо, солнце показывалось редко, совсем на чуть-чуть, и тогда Антону представлялось лето — длинное и полное тайн, как вся его будущая жизнь. Но солнце пряталось — и ледяной ртутью заливало мир, не хотелось ничего вообще. Вечером он собрался в гости к Ире, коллеге по курсам, поделившейся с ним школьным рефератом. Раньше он почти не замечал ее, но как-то в перерыве между лекциями они обсуждали эти рефераты и она предложила ему готовый — свой.

— Просто так? — удивился Антон.

— Ну, если хочешь, принесешь мне торт, — ответила она так спокойно, как будто прийти в гости к полужнакомой девушке — распространенная нынче плата за реферат.

Только тогда он присмотрелся к ней. С первого взгляда, конечно, он в нее не влюбился бы, но...

— Было бы неплохо! — сказал он и широко улыбнулся.

О чем он думал, когда шел в сумерках по Тракторозаводскому поселку к дому Иры? О том, что поселок этот, по сути, город в городе — архитектурное чудо, о ценности которого почему-то никто не говорит? Или о том, какие книги любит Ира и совпадают ли их вкусы и взгляды на литературу? Он ничего не знал о той, к кому шел в гости... Или, может быть, он пытался вообразить тех, кто вместе с ними будет есть этот торт? («Люблю Ленинградский», — добавила она тогда.) Все перечисленное, конечно, мелькало у него в голове, но главное, чем полны

Нина МАЦЕВИЛО

Живая шапка

Два рассказа

Помолитесь за нас

Недалеко от моего дома, в соседнем квартале, есть небольшой костел. Расположен он на горке и обнесен чугунной оградой. Задний двор — просторный, ухоженный. Кругом фонари под старину и удобные деревянные скамейки. Они словно приглашают вас присесть, отдохнуть от мирской суеты и подумать в тишине о духовном. Спереди, у ограды, теснятся старинные захоронения. Самих могилوک давно уже нет, но сохранилось несколько низеньких, из простого камня, памятников с выгравированными на польском языке надписями. Кроме служб в костеле иногда проводятся культурно-просветительские мероприятия. Я узнала, что на рождественской неделе здесь планируются вечера органной музыки. Начало в двадцать часов. Для такого пожилого человека, как я, это слишком поздно. Темно и скользко зимой. Единственный дневной концерт назначили на двенадцать, после богослужения.

И вот иду я в приподнятом настроении, предвкушая праздник: в кои веки послушаю игру на таком величественном инструменте! У главных ворот я остановилась. Вчера мел мокрый снег, а за ночь подморозило. Дорога к зданию хотя и была пологой, вся обледенела. Я обошла территорию с другой стороны, где тянулся ряд гаражей, а от них к задней калитке вела бетонная лестница. Она меня привлекла тем, что была тщательно очищена от снега и льда. И я решительно шагнула на ступеньку. У крайнего гаража я заметила двух мужчин и женщину, которые устроились на ящиках и распивали спиртное. Они громко разговаривали и смеялись. Поднявшись, я обнаружила, что и тут дорожка походила на ледяной каток. Ступать с лестницы прямо на лед было опасно. Мне бы повернуть назад, но я опаздывала. Благоразумие покинуло меня. С усилием оттолкнувшись от последней ступеньки, я по инерции прошла несколько шагов и, конечно же, поскользнулась и упала на спину. Но не это испугало меня — я находилась у края лестницы и при любом движении могла соскользнуть. Я силилась привстать, но в теплом пальто и зимней обуви была особенно неуклюжей. Ноги мои не сгибались, и я продолжала лежать, уставившись в небо. В тот момент я напоминала большого майского жука, который, упав на спинку, энергично шевелит лапками, безуспешно пытаясь перевернуться.

Поскольку на площадке перед костелом никого не было, я запаниковала. Пробовала кричать, но голос мой пропал. Вдруг меня легко подняли чьи-то руки и поставили на ноги. Я почувствовала резкий дух перегара и поняла, что нахожусь в ненадежных руках алкоголиков, которые к тому же стоят на

ненадежных ногах. И мне мгновенно представилась картина, как мы втроем летим вниз по крутой лестнице.

— Не бойтесь, бабушка. Куда вам надо?

Я инстинктивно попыталась вырваться. Снизу долетел до меня звонкий женский голос:

— Не бойтесь! Они точно доставят вас куда надо.

Я немного успокоилась и послушно зашагала вперед.

— Вам куда? Мы можем довести вас домой.

У меня все еще не было голоса, и я молча указала на костел. Уже по ту сторону калитки я обернулась и произнесла:

— Какие же вы добрые! Дай Бог вам здоровья!

— Бабушка, так вы в церковь идете? Помолитесь за нас! Вот его зовут Валера, а меня Толик.

Только сейчас я разглядела их лица — совсем молодые, очень худые. Парням было лет по тридцать. Меня удивило, что мои спасители не ушли сразу, а продолжали стоять, держась за ограду, и смотрели мне вслед. А я не заметила, что иду задом наперед по ледяной дорожке, глядя на них. Мне показалось, что в их глазах читалась надежда.

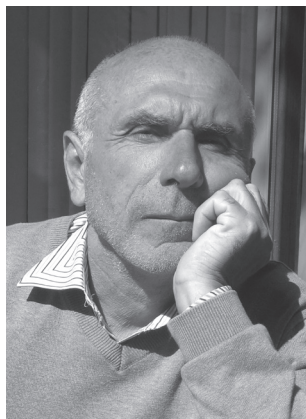
Чтобы выполнить их просьбу, я отправилась не в костел, а в свою, православную, церковь. Хотя... какое это имеет значение? Ведь Бог — один.

Живая шапка

Однажды вечером, а именно девятого февраля, сидя у окна, я обратила внимание на стаю кружащих в небе птиц. Это были крупные черные птицы, которые все прибывали и прибывали. Летали они и раньше, но не в таком количестве — сегодня их были тучи и тучи. Они долго парили, постоянно перестраиваясь: то сжимались, формируя причудливые фигуры, то рассыпались по сторонам. Ниже на большой скорости носились стаи поменьше. От их странного небесного танца становилось не по себе. С подобным явлением я сталкивалась впервые и уже после узнала, что оно называется мурмурацией.

В какой-то момент из-за крыши соседнего дома нагрянула еще одна черная туча и устремилась к самому высокому дереву в нашем квартале. Птицы мгновенно облепили верхушку, а те, что там не поместились, стали спускаться ниже. Вскоре верхушка замерла, а в центре все ходило ходуном. Отдельные особи перескакивали с ветки на ветку, менялись местами. Некоторые — по двое-трое улетали на соседние деревья и снова возвращались. За закрытым окном не было слышно их голосов. Это беззвучное мельтешение длилось в течение нескольких часов. Размером и очертаниями эти птицы походили на серых ворон, но были совершенно черными. Несомненно, это были грачи, близкие родственники сорок и ворон — из того же семейства врановых.

Вскоре дерево словно разбухло от висящих на нем черных гирлянд. На верхушке силуэты птиц эффектно вырисовывались на фоне светло-серого неба, и я про себя отметила, какая это была бы завидная натура для художника-графика. Дни стояли морозные, весной еще не пахло, но невольно вспомнилась картина Саврасова «Грачи прилетели». Эти, судя по всему, никуда и не улетали. В огромном городе им было чем прокормиться зимой. Когда совсем стемнело, пошел сухой мелкий снег. Дерево окутала белая дымка. Снег сыпал часа два, но птицы не улетали.

Николай КАЛЬКО

Полесские истории

Новеллы

Капроновое алиби

Это было, когда я служил участковым в Святой Воле.

У одного мужичка пропал из дома кошелек с деньгами — рублей тридцать. Он заявил мне о пропаже и указал на свою соседку как на возможную виновницу. Мол, это она, такая завистливая, украла. Больше некому.

Ранее ничего плохого я о той женщине не слышал. Работала в колхозе, держала свое хозяйство. В войну овдовела, да так и жила одинокой. С чего бы ей воровать? Но все равно — надо проверить. Позвал я председателя сельсовета и колхозного бригадира, и в обед мы втроем направились к ней.

Вошли в хату, рассказали, по какому поводу. Хозяйка заголосила:

— Чтоб ему бильма повылазили! Надо же, удумал старый дурень — меня злодеем назвал! Сейчас я вам покажу.

И к печке. Мне уж показалось, что она сейчас кочергу схватит. А хозяйка стала на колени возле подпечка, засунула туда руку и вытащила двухлитровый стеклянный слоик, заполненный разными бумажными купюрами — двадцатьпятками, десятками, пятерками. Кто его знает, сколько там было денег?

— Вот, — хвастается, — видите, сколько у меня этих грошый, и думаете, я поскваплюсь на чужое?

Потом опять полезла под печь и достала второй слоик. А там в капроновой крышке мыши дырку проели. Женщина как увидела это, перепугалась. Забыв обо всем, принялась вытряхивать бумажки из слоика.

— Ой, ой! Людцы добрые, а что теперь делать? — причитает.

— Что, что. Неси деньги в сберкассу. Если номера сохранились, то их тебе обменяют, — советуем мы. — И не дома держи, а положи на книжку.

Поняв, что делать здесь больше нечего, мы извинились за беспокойство и ушли.

Через несколько дней встречаю эту женщину. Она спрашивает:

— Ну что там, Степанко, нашлась пропажа?

Я и говорю:

— Вора нашли, да только деньги он уже успел пропить.

Женщина достает из кармана несколько бумажек, протягивает мне и говорит:

— Возьми, передай соседу. Хоть он и обидел меня, но если б не он, то у меня слоик грошей пропал бы.

Молодой переводчик

Совместный проект
с Минским государственным
лингвистическим университетом

Полина Клопоток,

студентка 4-го курса факультета
английского языка МГЛУ

О себе

Меня зовут Полина. Родилась и выросла в городе Минске. С языками связана генетически: мама и бабушка занимаются ими профессионально. Сфера моих интересов — английский, итальянский и немецкий. Белорусский же язык является неотъемлемой частью моей языковой картины мира. Каждое лето я проводила на берегах Немана, Мостовицина стала моей второй малой родиной. «Па-беларуску чуць і бачыць на гэтымсвеце і на тым» — мое жизненное кредо. В будущем хотела бы стать профессиональным переводчиком и заниматься художественным переводом.

Очень люблю читать. Любимые писатели — Лев Толстой и Якуб Колас. Чаще всего держу в руках роман Льва Толстого «Анна Каренина» и поэму Якуба Коласа «Новая зямля». Считаю, что люди всегда будут читать книги, и наше молодое поколение — не исключение. Кроме чтения я уделяю время участию в культурной жизни своего университета: пою в хоре, играю в театре мимов. Не изменяю болельщице хоккейного клуба «Динамо-Минск».

С радостью открыла для себя не только поэзию, но и прозу Наума Гальперовича — и решила сделать перевод.

НАУМ ГАЛЬПЕРОВИЧ

Мгновения памяти

Из цикла «Селфи памяти»

Ее поэтический дом

Незнакомый мужской голос представился журналистом из Москвы.

— Вы меня не знаете, — сказал незнакомец, — но у меня для вас поручение от Риммы Федоровны Казаковой. Она просила передать вам свою новую книгу.

И вот я держу в руках поэтический сборник с лаконичным автографом «Наум, помню, люблю».

Молодой переводчик

Совместный проект
с Минским государственным
лингвистическим университетом

Наталия Зырко,
магистрантка МГЛУ,
специализация «Теоретическая
и прикладная лингвистика»

О себе

Родилась в 1999 году в небольшом городе Узда Минской области. До десятого класса я и не думала, что свяжу свою жизнь с иностранными языками, но потом обнаружила, что мне интересно заниматься переводами текстов из учебника, переводить иностранные песни и читать книги на английском. И когда я узнала, что есть такой факультет в Минском лингвистическом университете, который поможет научиться заниматься этим профессионально, решила попробовать подготовиться к необходимым ЦТ. К счастью, все получилось.

Попробовав перевести что-то для «Нёмана», поняла, что хочу продолжить заниматься художественным переводом, потому что это на самом деле доставляет удовольствие. С журналом я буду рада и дальше сотрудничать, если представится такая возможность.

Всем известные фразы: «лучше поздно, чем никогда» и «единственный, с кем ты можешь и должен себя сравнивать, — ты вчерашний» — и есть мои жизненные ориентиры. Первое мое кредо: если есть хоть малейшая возможность повлиять на ситуацию, рискнуть, пусть даже это будет и последняя попытка, — действуй, результат может быть ошеломительным. А второе — именно то правило, которое помогает в саморазвитии: стань сегодня чуть лучше, чем ты вчерашний.

Литература определенно нужна молодому поколению, и не только молодому. Человек в любом возрасте должен читать, потому что чтение качественно влияет на мировосприятие и кругозор, формирует личность, развивает речь и воображение.

У меня много любимых книг. Среди самых любимых — «Американская трагедия» Теодора Драйзера, «Кровь ангела» Майкла Маршалла, «Консуэло» Жорж Санд, все произведения Конана Дойла о Шерлоке Холмсе.

Хобби — игра на фортепиано, рисование, пишу стихи. А также с удовольствием перевела для «Нёмана» рассказ американского писателя Джона О'Хары, автора известных романов «Свидание в Самарре» и «Баттерфилд, 8».

ДЖОН О'ХАРА

*Женщины с Мэдисон-авеню**Рассказ¹*

Миссис Дэбнер шла по Мэдисон-авеню уверенной походкой, или даже, можно было бы сказать, — смелой, размышляя, как она смотрится со стороны, например, для кого-то из проходящего мимо автобуса. Часто, приезжая в Нью-Йорк и садясь в автобус на Мэдисон-авеню, миссис Дэбнер замечала женщину, чем-то схожую с собой: приятной наружности, со вкусом одетую, лет тридцати-сорока на вид... Интересно, каковы у такой леди занятия и интересы? Куда она направляется? О чем она думает? «Могу поспорить, у нас с Вами много общих знакомых, — сказала бы ей миссис Дэбнер при случае. — Держу пари, мы с Вами могли бы посидеть где-нибудь и уже спустя пять минут выяснить, что даже родственниками друг другу приходимся».

После обеда на Мэдисон-авеню всегда было много достойных обратить на себя внимание женщин. Они выходили из ресторанов на Пятидесятых-Шестидесятых улицах, на углу Мэдисон-авеню говорили что-то друг другу на прощание и расходились каждая своей дорогой: одни — в парикмахерскую или за покупками, другие, возможно, выбирали прогуляться домой пешком. За некоторыми из них Этель Дэбнер нравилось наблюдать из автобуса. Но сегодня это сама Этель прогуливалась и именно на нее, возможно, глядела из окна автобуса и находила интересной та единственная женщина в Нью-Йорке, у которой были веские причины ее ненавидеть. Этель Дэбнер не любила, когда ее ненавидят, и если бы она когда-нибудь смогла сесть и серьезно поговорить с Лорой Хауэлл, то точно сумела бы ее убедить, что для ненависти нет веских причин. Но как давно хоть кому-то удавалось сесть и серьезно поговорить с Лорой Хауэлл?

Этель Дэбнер повернула голову, чтобы взглянуть на переполненный автобус. Хотя какой смысл выискивать в нем женщину, которую никогда не видела?

С удовольствием покинув Мэдисон-авеню со всеми его переполненными автобусами, а также женщинами, одной из которых могла быть Лора Хауэлл, Миссис Дэбнер вошла в квартиру на первом этаже дома на Шестидесят четвертой улице. С облегчением, хотя и без удивления, Этель обнаружила, что одна. Он говорил о половине четвертого, а сейчас было только три. Он всегда был пунктуален, но иногда приходил пораньше.

— Возможно, я сегодня немного опоздаю. Не знаю, как долго продлится деловая встреча, но если все еще буду на ней в полчетвертого, то передам тебе весточку.

— Ты передашь мне весточку? Каким образом? Не лучше ли попросить секретаря, чтобы позвонила мне и предупредила?

— Да, но...

— Что но?

— Ну, я думал над этим. Я могу попросить мисс Боуэн, чтобы она позвонила по этому номеру и предупредила, что мистер Хауэлл опаздывает на встречу с мистером Дженкинсом.

— А кто такой мистер Дженкинс?

— Мистера Дженкинса не существует. Но ты якобы его секретарь, согласна? Ты ответишь на звонок, а мисс Боуэн примет тебя за его секретаря.

— Стоит ли заморачиваться. Просто приезжай, когда сможешь.

¹ Журнальный вариант (в сокращении).

ИРИНА ШАТЫРЕНОК

Версия русского детектива

Не единожды перечитала дневник англичанина Фортескью Андерсона, где он подробно рассказывает о том, как гостил в Гродненской губернии у графа Александра Биспинга в 1863 году. Об авторе этого дневника известно крайне мало. Но, признаюсь, больше меня заинтересовала биография самого молодого графа (1844—1867).

По счастливому стечению обстоятельств опубликованные в моем переводе отрывки из дневника Андерсона прочитала сотрудница Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН Санкт-Петербурга Екатерина Левшина, которая также занималась поисками архивных материалов об Александре Биспинге. В 2021 году отмечалось 230-летие со дня рождения русского писателя Сергея Аксакова, и Екатерина Левшина готовила публикацию семейной переписки Аксаковых, которую сопровождала комментариями. Одним из фигурантов этих писем был Александр Биспинг. Мы с Екатериной Сергеевной стали делиться находками.

Судьба к Александру Биспингу была крайне не ласкова. 7 сентября 1863 года по доносу Андерсон и Биспинг были арестованы на городской заставе в Гродно. Повод — за якобы причастность к восстанию. И уже 29 сентября 1863 года невиновный граф был выслан на жительство в Оренбургскую губернию.

Екатерина Левшина прислала мне копии найденных ею документов из фондов Пушкинского Дома, Государственного архива Российской Федерации, Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан. Невероятная удача — почти сразу 90 копий архивных документов! Они помогли реконструировать жизнь Александра Биспинга после того, как он покинул Гродно осенью 1863 года. Полицейская система в царской России работала исправно. Поднадзорный ссыльный передавался из рук в руки жандармам, как предмет с инвентарным номером, каждый его шаг фиксировали документы, секретные донесения, телеграммы, рапорты, служебные записки. Стилистика чиновничьей переписки передает дух времени, погружает в эпоху царской России второй половины XIX века.

Александр Биспинг заинтересовал Екатерину Левшину во время изучения писем Аксаковых. Работая с ними, сотрудница Рукописного отдела столкнулась с информацией о неизвестном человеке из окружения семьи Аксаковых, некоем «Александре К.» или «Александре Камилловиче», женихе внучки писателя Сергея Аксакова — Ольги. Нерасшифрованная фамилия неоднократно упоминается в письмах уфимского губернатора Григория Сергеевича Аксакова (с января 1867 года — самарского губернатора).

АННА НОВОСЕЛЬЦЕВА

Романная хроника Владимира Гниломедова как идейно-художественное явление

Жанровые стратегии словесного искусства отражают общую динамику литературного процесса, его идейно-эстетические приоритеты. В современной творческой практике писатели часто обращаются к жанру романа, создают его новые модификации, выбирают для художественного воплощения новаторские тематические аспекты, что существенно меняет традиционную жанровую форму. Повествовательные стратегии классического романа, внимание к судьбе личности в процессе ее становления, раскрытие интриги через конфликт главного героя с общественной средой в современной прозе переживают процессы трансформации. Творческая практика вносит существенные эстетические коррективы в формирование актуальной жанровой модели большого эпического полотна. При этом полноценный масштабный рисунок окружающей действительности неизменно интерпретируется автором через индивидуальное восприятие и оценку главными героями.

Обращается к осмыслению знаковых общественно-социальных сдвигов XX века и Владимир Гниломедов, который использует творческий синтез социально-бытовой прозы и семейной хроники с установкой на эпический показ действительности. В цикле романов Владимира Гниломедова «Уліс з Прускі», «Расія», «Вяртанне», «Валошкі на мяжы», «Вайна», «Пасля вайны», «Праўда жыве пасярэдзіне» отражается смена поколений в контексте исторической эпохи, которая представлена через призму частной жизни. В сюжете таких романских текстов обычно раскрываются образы нескольких поколений, история рода отдаленных времен передается в более лаконичном варианте. На смыслообразующем уровне репрезентируется образ родительского дома, который и организует весь событийный ряд.

Классическое для белорусской прозы деревенское бытописание — одно из доминантных стилиобразующих средств в первом из его романного цикла. Деревня Пруска на северо-западной окраине белорусского Полесья примечательна нравами и обычаями своих обитателей, разве что «хаты аднолькавыя — нізенькія, крытыя саломай, з маленькімі вокнамі, гліняным полам. Большасць з іх трухлявыя»¹. Сами прусковцы выделяются жизнестойкостью, физической и моральной прочностью, порой покладистостью и нерешительностью, но вместе с тем и упрямством. Писатель рисует колоритные местные характеры, в которых проявляются и общенациональные черты. В частности, художественно осмысливаются исключительная терпеливость и трудолюбие,

¹ Гніламёдаў, У. В. Уліс з Прускі : раман / У. В. Гніламёдаў. — Мінск, 2006. — С. 9.

которым людей учит не только окружающая природа, но и тяжелые социальные условия начала XX века, вынуждающие прусковцев, в том числе Леонтия Кужеля, искать лучшей доли в далекой Америке.

По-новаторски в романе раскрыта тема эмиграции, обойденная вниманием в отечественной литературе. Это позволяет читателю сопоставить быт белорусов и американцев. Национальный характер белоруса изображается в сравнении с представителями других народов. И Леонтий Кужель, и мистер Гриц любят землю и уважают самоотверженный труд. В то же время американский фермер, в отличие от белорусского крестьянина, способен на рискованные коммерческие планы. Судьба главного героя, который не нашел больших заработков, оказывается неотделимой от судьбы родной земли. С ощущением уверенности, что во всем нужно руководствоваться своим умом, что «лічыш сябе прускаўцам, а ў табе ўжо жыве амерыканец»², Леонтий возвращается домой. Его ждет не воплощение американской мечты, а большие жизненные испытания, связанные с известными социальными катаклизмами первой половины XX века. Художественное внимание к общественно-социальным событиям предопределяет событийную динамику следующих произведений романного цикла.

В романе «Расія» осмысливаются многочисленные исторические события накануне и во время Первой мировой войны, рассматриваются национальный и европейский исторические процессы в совокупности их многогранных составляющих. Представив художественную интерпретацию столь значимого в прошлом явления, как эмиграция в США на рубеже XIX—XX веков, писатель обращается и к судьбоносным для нации событиям первой трети XX века.

Воплощая беженство как типичное явление для Первой мировой войны, Владимир Гниломедов показывает его тяжелые последствия на примере семейной истории Кужелей. Так, в нелегкой дороге к новому месту жительства умирает дед Кирила; занимаясь непривычной для сельчан работой на железной дороге, трагически погибает сестра Леонтия — Тоня; в нужде и голоде, не дождавшись возвращения домой, уходит из жизни мать. Сам же главный герой познал тяжелую долю солдата, был ранен и долго возвращался к покинутой семье. Писатель использует сюжетообразующий, как и в предыдущем романе, мотив путешествия и через созерцание Леонтия — настоящего Улисса — широкомасштабно отражает тогдашнюю действительность. Автор предельно правдиво показано антигуманное лицо войны, ее тяжелые последствия, затронувшие и деревню Заполонное в русской глубинке, где семья Кужелей вместе с другими прусковцами находится в беженстве. Писатель детально исследует проявления национального характера в чрезвычайных общественно-социальных обстоятельствах. В наиболее сложных жизненных перипетиях выходцы из-под Бреста демонстрируют такие отличительные черты, как отзывчивость, терпение, готовность помочь другим.

В романе используется ряд художественных средств, присущих жанру исторической прозы. Автор на протяжении произведения прослеживает изменения и в общественно-политической жизни Европы, которые хоть и не становятся идейно-художественным центром повествования, однако убедительно передают атмосферу того времени: «Сапраўды, як аказалася, саюзная Францыя апынулася ў цяжкім становішчы. Немцы кінуліся на яе

² Гніламёдаў, У. В. Уліс з Прускі : раман / У. В. Гніламёдаў. — Мінск, 2006. — С. 381.

праз Бельгію. Бельгійцы аказалі, трэба адзначыць, гераічнае супраціўленне, але ўстаяць супраць такой аграмаднай і добра ўзброенай арміі не маглі. Не ўстаялі і французскія войскі — вымушаны былі адступіць у глыб краіны — фронт наблізіўся амаль што пад самы Парыж»¹. Детальна раскрываецца гістарычны фон, на котором пісатель прослежвае самыя значымыя ў жыцці сельчан падзеі. Калі ў сярэдзіне ліпеня 1915 года пачаўся агульны падрыхтоўчы працэс, прускім вайскам здаецца, што яны пакідаюць цэнтр свету і адправіліся на яго мяжу: «Свет пазбаўляўся пэўнасці і пастаянства, раптоўна парушаўся заведзены трыб жыцця. З’явілася новае слова — бежанцы. Яно адлюстроўвала новы стан людзей. Чалавек не заўважае таго, як ён становіцца іншым»². Путешественников не оставляют тревожные волнения, за отступающей русской армией движется немецкая, а впереди всех оказываются беженцы.

Через созерцание Леонтия Кужеля изображаются и непосредственно военные действия, передается настроение воюющих: «Гэта і была перадавая — уся перакапаная траншэямі, хадамі зносін, бліндажамі. У траншэях праз кожныя дзесяць сажняў выемкі для камандзіраў. Перад акопамі — скруткі калючага дроту. Некалькі ліній. У немцаў — таксама. Праціўніка тут называлі: «ён». «Ён» таксама акапаўся»³. Писатель псіхалагічна глыбока дэманструе стан чалавека ў гэтай называемай пазіцыйнай вайне, калі доўга не пачаўся агульны наступ, а ворагі пераважаюць і перамагаюць і часта ідуць у атаку.

Спецыфічным мастацкім прыёмам выступае прадстаўленне ў тэксце романа дакументаў і дзевніковых запісаў. Гэта так называемыя «прашэнні», якія пішуць бежанцы, загады мясцовай улады, адлюстраваныя час. Дзевніковыя сведчання раскрываюць характар чалавека той эпохі. Вядзе асабісты дзевнік закладчык Міша Косякін, які пастаянна чытае газету «Правда». Ён імкнецца ўзяць у ваяванне вопыт вядомых рэвалюцыйцаў, асваецца Леніным і Троцкім, з недавернем адносіцца да Максіму Горькаму, псколькі пісатель крытычна ацэньвае заваяванні Окцябрскай рэвалюцыі. Як следуе з размышленняў героя, прыходзіць час не толькі для новых ідэалагічных, але і для маральна-этычных прынцыпаў. Этнаграфічныя дэталі абгацаюць мастацкі гістарызм прадзеі. У патрыархальнай рускай дэревне жывуць далёкія патамкі беглых разінцаў і пугачэвцаў, якім свойствены непакорны характар. Яны «шырока іграюць» народныя прадзеі, у тым ліку Масленіцу: «У будні дні запалонаўцы жылі чаканнем свят і любілі, трэба сказаць, пагуляць. Патрэба расслабіцца жыла ў іх душы, у самой чалавечай прыродзе <...>. Прускаўцы ажно здзіўляліся, назіраючы за тым, як запалонаўцы пяклі цэлыя стопкі бліноў, аблівалі іх маслам, смятанай, кіслым малаком — хто чым мог. Па Запалоннаму лунаў блінны дух»⁴. Этнаграфічны план падкрэўвае ідэю «поезжанства»: імкненне вярнуцца да роднаму даму з цячэннем часу становіцца вызначальным для прускаўцаў, якія асознаюць вызначаныя адрознічкі рускіх абычаяў ад сваіх асабістых.

Такім абразом, Влалдымер Гніломедов у гэтым ромале прадставіў углубленную мастацкую інтэрпретацыю падзеяў Першай сусветнай

¹ Гніламёдаў, У. В. Расія / У. В. Гніламёдаў. — Мінск, 2007. — С. 89.

² Гніламёдаў, У. В. Расія / У. В. Гніламёдаў. — Мінск, 2007. — С. 93.

³ Гніламёдаў, У. В. Расія / У. В. Гніламёдаў. — Мінск, 2007. — С. 257.

⁴ Гніламёдаў, У. В. Расія / У. В. Гніламёдаў. — Мінск, 2007. — С. 154.

войны и ее последствий для исторической судьбы белорусов, раскрыл проявления национального характера в чрезвычайных условиях. Оригинальное жанрово-стилевое сочетание исторической прозы и семейной хроники обуславливает специфику произведения. Для современного автора военная тема во многом равна исторической, что детерминирует специфические требования для ее художественного воплощения. В творчестве Владимира Гниломедова осмысление военного времени индивидуализируется благодаря обращению писателя к собственным детским воспоминаниям. Так, в романе «Вайна» изображается жизнь прусковцев и их соседей во время Великой Отечественной войны — от первого дня до освобождения. Роман «Пасля вайны» посвящен художественному осмыслению итогов предыдущего периода, писатель рассказывает о дальнейших событиях в жизни героев. В изображении действительности Владимир Гниломедов сосредотачивает внимание на тех же событийных ходах, к которым обращались и его предшественники, но в своем осмыслении. Например, показывает, что война стала неожиданностью, как и стремительное наступление немецкой армии. В романе новый председатель сельсовета Галабурда, выступая на деревенском собрании, уверенно утверждает, что Германия не собирается нападать на Советский Союз, потому что его армия непобедима. Когда же это случается, вокруг царит паника. Выступление Молотова по радио, листовки, сбрасываемые немецкими самолетами, красноармейцы без оружия, которые просят хлеба, — это то, что становится неожиданностью для прусковцев. Владимир Гниломедов не приукрашивает деревенскую действительность, когда, например, показывает грабеж магазина. Правда, это делают соседи, жители поселения-колонии, которые считаются нездешними, пришельцами из-за Буга. Сами же прусковцы, менее решительные по сравнению с соседями, жалеют, что опоздали и не смогли взять ничего.

Как и в предыдущих произведениях романного цикла, глубинное крестьянское мироощущение передается через изображение духовного мира Леонтия Кужеля, во многом выразителя авторской мысли. Именно этот герой чутко относится к едва заметным проявлениям окружающей действительности, на которые не обращают внимания его односельчане и знакомые. Так, когда дошли известия о первых расстрелах фашистами бывшего советского актива, работников учреждений, прусковцы инстинктивно сплотились между собой, стали, как казалось Леонтию, более доброжелательными, но не утратили настороженности. Связанный кровной связью с землей и крестьянской общиной, Кужель видит: жизнь не стоит на месте. Как и во многих произведениях на военную тему, лейтмотивом в романе звучит мысль о том, что нужно жить — во что бы то ни стало. Состояние души героя раскрывается через иносказательное изображение природы, где рожь ассоциируется с жизнью, а ночные зарницы символизируют тревожное предчувствие пока далекой, но неизбежной опасности.

В романе рядом с Леонтием показаны и некоторые другие персонажи, играющие значительную идейно-художественную роль. Например, пасынок Василий, с которым у главного героя сложились дружеские отношения, выступает духовным наследником Кужеля и одновременно представителем нового поколения. Это поколение уже советских людей, которым суждено пройти сначала партизанскую войну, а позже и фронтую. Неслучайно в произведении значительная художественная роль принадлежит Василию Платонову, остро чувствующему несправедливость, стремящемуся жить по совести. Попад в списки советских активистов как начальник почты,

Василий арестован и выдерживает жестокие пытки, едва избегает расстрела. Вернувшись домой, он чувствует ответственность прежде всего за свою семью, но вместе с тем осознает необходимость что-то делать ради борьбы с оккупантами, помогает партизанам.

Владимир Гниломедов детально осмысливает зарождение и развитие партизанского движения на Брестчине. На событийном уровне объективно отражаются значительные трудности этого процесса, например, ощущение неопределенности, неизвестности, недовольства собой и другими у бывших красноармейцев. Представители разных родов войск, как свидетельствуют их короткие истории, присоединились к партизанской борьбе в первую очередь из-за безысходной ситуации. Жить с ощущением постоянной опасности нелегко, стратегии партизанской войны еще нужно научиться, а если пока нет и должной организации, то это неизбежно порождает людские потери. В частности, неосмотрительно оставшись ночевать на хуторе, уставшие партизаны попадают в ловушку карателей, методично проверявших все места, из которых в лес могли переправляться припасы.

Ряд образов партизан и их командиров создает фон художественного действия: Пенкин, Бережнюк, Бокша, Муравей, Сорокин и многие другие. Отражены на периферии романной ситуации, однако привлекают внимание, запоминаются читателю и колоритные образы общительного Вани-ежика, серьезного Колесникова с его боевым «дегтярём». Писателем создан запоминающийся образ молодого партизанского командира Дмитрия Новикова, или, как тот просит по-простому называть себя, Димки. Решительный и смелый, он признается другими лидером, ведет отряд на «железку», где тот успешно уничтожает вражеский эшелон. Однако на обратном пути опрометчиво ввязывается в бой с немцами, к которому партизаны были мало подготовлены, и случайно погибает. Автор выражает свою оценку ситуации через вывод, сделанный Костей Хлябичем, который уверен, что командир устал от войны, сам себе искал смерть, искал и нашел. Таким образом многогеройность и богатая динамическая событийность репрезентируются в психологическом контексте: писатель направляет читателя к рассуждениям о том, что причиной смерти в военное время вовсе не обязательно может стать лишь некий очевидный фактор.

Художник слова создает сложную картину тогдашней действительности. Как и Леонтий, Костя Хлябич собирает оружие, иногда обращается к Кужелю за помощью. Неслучайно глазами Хлябича читатель видит важные моменты партизанской жизни, которая осмысливается в общебытийном контексте. Сложное духовное взаимодействие героев тонко раскрывается в романах «Вяртанне», «Валошкі на мяжы», а в романе «Вайна» — испытание жизнью и смертью. Здесь Леонтий своим отношением к сыну Анны проявляет истинное благородство и искренне недоумевает, видя, что для Кости родители значат гораздо меньше. Лишенный духовной семейной основы, Хлябич становится убежденным большевиком, который говорит и мыслит лозунгами. Героев — Костю и Леонтия — разнит отношение к историческому наследию, которое в романном цикле символически олицетворяет Каменецкий столб. Для Леонтия это свидетель былого, напоминание о поколениях его рода, издревле жившем на этой земле, а для Кости — просто бесполезная вещь, недостойная внимания. Для Хлябича идеал человека и революционера — Кленовик, который в романном цикле неоднократно показывается рядом с Леонтием и получает от последнего краткую, но исчерпывающую морально-этическую оценку. Кужель упрекает Кленовика в жестоком отношении к людям, а Кленовик

видит в Кужеле всего лишь «ограниченного» крестьянина, неспособного к восприятию прогрессивных идей. Герои, несмотря на дружеские отношения, выступают в какой-то мере оппонентами, имеющими своих сторонников и противников. Хлябич, который в начале своей деятельности отличается бескомпромиссной убежденностью, не всегда оправданной, опасной активностью и в большей мере похож на Кленовика, чем на Кужеля, в свою очередь влияет на прусковскую молодежь. Показательно, что Леонтий не одобряет дружбу Кости и своего пасынка Василия, который, повзрослев, берет фамилию родного отца. Писатель детально показывает, как меняется Костя Хлябич, пережив такие серьезные испытания, как аресты, пытки, несколько тюремных заключений. Членов КПЗБ фактически провозглашает врагами та власть, ради которой они сражались, не жалея собственной жизни, Костю безосновательно обвиняют в шпионаже. По логике событий, тот, кто относился безжалостно к другим, может встретиться и с безжалостным отношением к себе.

В романе «Вайна» Костя Хлябич морально противостоит Ивану Афиногенову, который позиционирует себя настоящим чекистом, но с началом немецкого наступления панически убегает и теряет чрезвычайно важный архив, доверенный ему. Афиногенов осознает, что за это придется отвечать, и боится такой ответственности, но при этом, став партизаном, убежден в том, что нужно ликвидировать всех подозрительных личностей, что беспощадная война требует беспощадного отношения даже к своим товарищам. Василий сообщает Афиногенову о положении в деревне, выполняет его поручения, информирует через связного и о том, что он вынужден исполнять обязанности солтыса, — и это на тот момент не вызывает возражений. После освобождения к Василию возникают вопросы со стороны Смерша, ему не доверяют, угрожают арестом. Афиногенов, который знал, что Василий выполнял задание партизан, не вмешивается в ситуацию, не заступается за Василия. Строгий и чрезвычайно требовательный к другим, Афиногенов не признается в пропаже архива, избегает ответственности и отправки на фронт.

В романе «Пасля вайны» автор старается подробно описать атмосферу этого периода. Прусковцы зарывают оставшиеся немецкие окопы, собирают оружие, за этим внимательно следят мальчишки. Рисковый Юрка Видерка трагически погибает, пытаясь выплавить тол из мины. Смерть мальчика в романе — как аспект: война продолжает напоминать о себе. С фронта приходят похоронки. Наконец возвращаются домой те, кого принудительно вывезли в Германию на работу. Настоящий праздник случается тогда, когда возвращаются сами фронтовики. Как тонко замечает литературовед Ольга Русилко, после эйфории победы «наступае цяжкі час новых “харчразвёртак”, калі сялянам (Тупчыкам, напрыклад) даводзілася сілай бараніць свой апошні хлеб; сталінскіх рэпрэсій, пад якія трапіў Лявонаў сваяк, хросны Валодзіка Якаў Арыстархавіч Пац, а потым, “за каласкі”, і стрыечная сястра Грунька»¹.

Владимир Гниломедов привлекает читательское внимание и к судьбе героев такого типа, как Свистян. Склонный к грабежу и насилию, способный легко, почти бездумно, убивать, Свистян олицетворяет все отрицательное, что может пробудить в человеке война. Он не может приспособиться к мирной жизни, а в минуту искренности признается Василию, которого некогда едва

¹ Русилка, В. І. Мастацкае асэнсаванне характару беларусаў у раманах «Пасля вайны» Уладзіміра Гніломёдава / В. І. Русилка // Роднае слова. — 2017. — № 12. — С. 16.

не убил, что когда нет войны, то и жить не хочется. На уровне философской концепции всего романного цикла бесчеловечность Свистяна акцентированно обнаруживает глубоко христианскую доброту «божьего человека» Куземки, который чутко изучает актуальные проявления окружающего мира. Осуждает, как признается Леонтию и Фекле Кужелям, насилие с обеих сторон: со стороны тех, кто загоняет в колхозы, и со стороны тех, кого загоняют. От имени автора задает читателю глубоко житейский вопрос: как же можно дойти до хорошего через насилие? Ответ нужно искать в судьбах гниломедовских героев.

Владимир Гниломедов убедительно доказал своим романным циклом, что в отечественной литературе остается актуальной творческая установка на эпический охват действительности, на использование художественных возможностей циклизации. Романами «Уліс з Прускі», «Расія», «Вяртанне», «Валошкі на мяжы», «Вайна», «Пасля вайны», «Праўда жыве пясярэдзіне» присущ хроникальный принцип изображения событий, широкий хронотоп. В романной ситуации репрезентативными выступают сквозные герои с детально психологически разработанными характерами — старшее и младшее поколения семьи Кужелей. В их микросреду входят герои военного времени, оттеняющие морально-этические, семейные ценности, традиционный быт белорусов. В многогеройном романном цикле основное внимание обращено на героев с исконным крестьянским мировоззрением, столкнувшихся с серьезными социально-историческими испытаниями XX века: Первой и Второй мировыми войнами, гражданской войной, коллективизацией.

ЕЛЕНА ЛИТВИН

Кафе «Балкон»

А началась эта история не совсем обычно...

Несколько лет назад по просьбе дочери, которая помогала локально разместить группу студентов из Швейцарии, мы пригласили в дом двух парней. Гостей расположили в просторном зале с примыкающим к нему балконом. Они валились с ног после ежедневных экскурсий по Минску, но, возвращаясь, не падали сразу в постель, а, к моему ужасу, пробираясь через баррикады коробок и угрожающе торчавших досок после ремонта, распахивали окна балкона и, мостясь на опрокинутом ящике, смотрели на фиолетовые сумерки, на темные силуэты домов с источающими свет окнами. Может, скучали по семье...

Уезжая, оставили нам снимки неба со звездами-светлячками и кленами нашего двора. И тут меня пробило насквозь! Мы, особенно старшее поколение, в большинстве своем только и делаем, что «барахлимся», жалея выбросить колченогую табуретку — а вдруг на что-нибудь да сгодится, — а они умеют ценить каждый миг, подаренный вселенной, наслаждаться бликами заката... Тем, что уже никогда не повторится!

Решено! Здесь будет кафе «Балкон»! Для встреч с друзьями, для завтраков с первыми лучами солнца, для кофе под щебет птиц или шум дождя, для молитвы... А еще — мини-мастерская для дизайна и выставки моих любительских работ.

— Тебе что, места мало? Три комнаты, одна живешь, — пыталась вразумить меня подруга.

— Мало! Комнаты — это функционал, а кафе — это территория для души, вдохновения и творчества.

Я не ринулась в строймаркет за модными обоями, крутой плиткой или стильной мебелью. Я хотела не дублировать, продлевать квартиру, а создать особую атмосферу домашней кафешки, студии, что-то уютное,

как на картинках в детских книжках. Чтобы можно было иногда укрыться, забыть о телевизоре, звонках, побыть наедине с собой.

Первым делом я навесила полки из бывшей детской, установила стеллаж для будущих моих «шедевров», придала благородный серый оттенок полу, стенам, оконной раме, обновила стулья, приобрела изящный столик... А главный раритет — старинное бабушкино кресло, в котором так приятно предаваться воспоминаниям, вынашивать идеи, вечерами слушать музыку и жечь свечи, наполняя свой «будуар» таинственностью и флером.

Но больше всего восторгов по освоению нового пространства было у внуков. — Где будем обедать, искатели приключений: на кухне или в кафе?

Дружное трио:

— В кафе!

Вечером родителям:

— А мы ели мороженое в кафе.

— Как?! Разве мы разрешали без спроса в фастфудовские заведения?

— Так мы же в бабушкином!!! Здесь самые вкусные в мире сырники!

...Утро. Осень. Пью кофе в кресле, укутавшись в мягкий плед. За окном — прохладное серо-мраморное небо. Мокрый кленовый лист ладошкой прижался к стеклу, будто просится: «Впусти!» А на душе тепло. Я не одна. Вокруг все, что особенно дорого. Вот фото детей и внуков, рядом друзья — любимые книги, зачитанные журналы, мои декупажные художества. Стоп! Минуточку. Чемодан тоже имеется. Но это не из категории хлама, а реликвия. С ним я приехала поступать в столичный институт. Но... сейчас на нем история моей семьи, обрамленная мамиными кружевами. И это тоже согревает.

По традиции в преддверии Нового года и рождественских вечеров здесь, в кафе «Балкон», загораются огоньки гирлянд на нарядной елке. Ведь так приятно с друзьями в полночь под звон бокалов с шампанским распахнуть окна и впустить новолетие...

«— Чем же все это окончится? — Будет апрель.

— Будет апрель, вы уверены?..»

Да, я уверена! И двери домашнего кафе гостеприимно откроются для родных и близких. И уже придумала рецепт белорусской пиццы.

Кстати, как-то искали с подругой ресторанчик на вокзале, перекусить. И вдруг в развлекательном центре «Галилео», на верхнем этаже, вижу вывеску «Кафе “Балкон”».

Эх, не запатентовала название...

Фото из архива автора

Документы Владислава Чаржинского из архива Казанского медицинского университета

Белорусский литературовед, критик, лексикограф и педагог Владислав Чаржинский (1897—1974) родился на Белосточчине в деревне Старо-Каменная Сокольского уезда. Начальное образование получил в народном училище. Окончил Минскую гимназию и Белорусский государственный университет. Работал учителем на Логойщине, а также преподавателем в Институте белорусской культуры и в Коммунистическом университете БССР. С 1922 года начал выступать с критическими и литературоведческими статьями в белорусской печати. С 1925 года сотрудничал с журналом «Полымя».

Владислав Чаржинский под своей фамилией, а также под псевдонимами Вл. Держинский и Улидзе печатал серьезные статьи, в которых давал основательный эстетический анализ как отдельных художественных произведений, так и литературного процесса в целом. Многие его статьи посвящены творчеству Янки Купалы, Якуба Коласа, Зми-

трока Бядули, Михася Чарота, Тишки Гартного, Янки Журбы и других белорусских писателей. Эти тексты и сегодня впечатляют глубиной, живостью исследовательской мысли, аргументированностью, пластичностью стиля. Работы Владислава Чаржинского ценны сегодня еще и тем, что в противоречивое и жесткое время конца 1920-х в своих оценках он руководствовался эстетическими критериями, а не вульгарно-социологическими догмами.

28 июня 1930 года Владислав Чаржинский был арестован ГПУ БССР по делу «Союза освобождения Беларуси». По постановлению коллегии ОГПУ СССР от 10 апреля 1931 года его выслали в Казань сроком на 5 лет.

*Владислав Чаржинский в последние годы
жизни в Казани. Начало 1970-х.*

ПОЭЗИЯ

- Анатолий АВРУТИН. Единица горенья. *Стихи.* I—13.
Анатолий АВРУТИН. Пока еще тропу листвой не замело... *Стихи.* XII—54.
Алесь БАДАК. Меня трава учила говорить. *Стихи. Перевод с белорусского Татьяны Лейко* II—11.
Михась БАШЛАКОВ. Был легким снег... *Стихи. Перевод с белорусского Елизаветы Полеес.* I—91.
Яна БУДОВИЧ. Ты будешь, ты сможешь... *Стихи. Перевод с белорусского Изяслава Котлярова.* VIII—58.
Елена ВЕЧЕРСКАЯ. И снова струна дышит августом. *Стихи.* VIII—108.
Наталья ВОЛЧОК. Я растворяюсь в осени... *Стихи.* IX—61.
Валерий ГРИШКОВЕЦ. Всегда найдется время для тепла... *Стихи.* VI—3.
Федор ГУРИНОВИЧ. В деревне детство снится мне... *Стихи.* II—32.
Сергей ДАВИДОВИЧ. Никогда не закончится жизнь у поэта... *Стихи.* VII—31.
Татьяна ДАШКЕВИЧ. Пройду под радугой... *Стихи.* VI—95.
Дмитрий ДЕМИДОВИЧ. Я люблю этот мир, этот край. *Стихи.* IV—60.
Валентина ДРОБЫШЕВСКАЯ. У всякой жизни свои дороги. *Стихи.* II—70.
Татьяна ЖИЛИНСКАЯ. Иллюзия хрупкой минчанки... *Стихи.* IV—97.
Казимир КАМЕЙША. Я хочу на станцию свою. *Стихи. Перевод с белорусского Михаила Кулеша.* IV—3.
Тамара КОВАЛЬЧУК. Не спеши... *Стихи.* XI—60.
Изяслав КОТЛЯРОВ. У поэта — иные права. *Стихи.* X—80.
Любовь КРАСЕВСКАЯ. Я не певец опавших листьев... *Стихи.* X—58.
Тамара КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО. Рожденная любви теплом... *Стихи.* IX—24.
Михаил КУЛЕШ. Мне так продолжить этот праздник хочется... *Стихи.* XII—71.
Алина ЛЕГОСТАЕВА. Мой мир на слове и открыт, и замкнут... *Стихи.* VIII—31.
Наталья МИХАЛЬЧУК. Солнце, день освети! *Стихи.* IV—55.
Николай НАМЕСТНИКОВ. Только ветер и крылья упругие... *Стихи.* VIII—3.
Сергей НЕВГЕНЬ. Затерялись мои обещанья... *Стихи.* I—101.
Михаил ПОЗДНЯКОВ. Дарить другим тепло и свет. *Стихи. Перевод с белорусского Миколы Шабовича.* III—3.
Валентина ПОЛИКАНИНА. Листаю заветную книгу свою... *Стихи.* III—45.
Екатерина РОВДО. Мир, как кораблик, крохотный, бумажный... *Стихи.* V—60.
Андрей СКОРИНКИН. Жить на свете нужно. *Стихи.* III—74.
Инна ФРОЛОВА. Стоит мой дом на белом берегу... *Стихи.* VI—81.
Софья ШАХ. Сентябрь, октябрь, ноябрь. Венок сонетов. *Перевод с белорусского Изяслава Котлярова.* XI—96.
Виталий ШЛАБОВИЧ. Примчалась осень стаей туч... *Стихи.* X—106.
Владимир ШУГЛЯ. Мне непокой завещан... *Стихи.* VII—59.

К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЯНКИ КУПАЛЫ

Янка КУПАЛА. **Познал людей и свет...** *Стихи. Перевод с белорусского Елизаветы Полеес.* VII—3.

К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЯКУБА КОЛАСА

И снова «Новая земля»... *Разговор с переводчиком. Интервью с Андреем Тявловским. Подготовила Наталия Костюченко.* X—3.

Якуб КОЛАС. **Новая земля.** *Главы из поэмы (II, III).*

Перевод с белорусского Андрея Тявловского. X—9.

Якуб КОЛАС. **Новая земля.** *Главы из поэмы (XIV, XV).*

Перевод с белорусского Андрея Тявловского. XI—3.

Якуб КОЛАС. **Новая земля.** *Главы из поэмы (XXII, XXIII).*

Перевод с белорусского Андрея Тявловского. XII—3.

ПРОЗА

Раиса БОРОВИКОВА. **Радости и муки чужого сердца.** *Рассказ. Перевод с белорусского Марины Ивановой.* V—79.

Вениамин БЫЧКОВСКИЙ. **Исцеление.** *Два рассказа.* IX—64.

Валерий ГРИШКОВЕЦ. **Уходя, остаюсь.** *Автобиографический роман в форме дневника.* XI—16; XII—16.

Валентина ДРОБЫШЕВСКАЯ. **День перед Рождеством.** *Два рассказа.* XII—59.

Олег ЖДАН-ПУШКИН. **Мужская любовь.** *Рассказ.* III—50.

Вера ЗЕЛЕНКО. **Два рассказа.** III—60.

Анатолий ЗЭКОВ. **ЗЭКовычки.** *Короткие были.* VII—108.

Максим ИВАНОВ. **Острова, облака.** *Повесть.* II—76.

Максим ИВАНОВ. **Последние каникулы.** *Повесть.* XII—77.

Лариса КАЛУЖЕНИНА. **Письмо.** *Повесть.* VII—64.

Николай КАЛЬКО. **Полесские истории.** *Новеллы.* XII—98.

Виталий КИРПИЧЕНКО. **Рыжий.** *Повесть.* IV—55.

Анатолий КОЗЛОВ. **И тогда я...** *Мини-повесть.*

Перевод с белорусского Олега Безводича. VII—11.

Федор КОНЕВ. **Одинокая женщина.** *Повесть.* VII—36.

Елена КОШКИНА. **Право и равновесие.** *Рассказы.* II—3.

Анна ЛЕО. **Папочки.** *Рассказ.* VI—86.

Георгий МАРЧУК. **Два слова для счастья.** *Новеллы.* I—3.

Георгий МАРЧУК. **Теплый дождь.** *Роман. Перевод с белорусского Натальи Марчук.* X—85; XI—66.

Ирина МАСЛЕНИЦЫНА, Николай БОГОДЯЖ. **Федора.** *Повесть-эссе.* VIII—9.

Нина МАЦЕВИЛО. **Живая шапка.** *Два рассказа.* XII—95.

Анатолий МЕЛЬНИКОВ. **Дядюшка Кураж.** *Рассказы.* VIII—36.

Александр ОЛЕЙНИК. **Последний смотрящий.** *Рассказ.* VII—24.

Михаил ПОЗДНЯКОВ, Тамара БУНТА. **Свет в окне.** *Рассказы о маме.* X—64.

Елизавета ПОЛЕЕС. **В небесах мои корни.** *Эссе.* XI—102.

Елена ПОПОВА. **Художник и его собака.** *Рассказ из цикла «Сны жизни».* V—64.

- Виктор ПРАВДИН. **Тридцать миль до святости...** Рассказ.
Перевод с белорусского автора. VI—99.
- Анатолий РЕЗАНОВИЧ. **Когда всплывут золотые апостолы.**
Роман. II—38; III—8.
- Людмила РУБЛЕВСКАЯ. **Авантюры Прантиша Вырвича, изменника и конфедерата.** Роман приключенческий и фантасмагорический.
Перевод с белорусского Павлюка Сокола. IV—8; V—3; VI—8.
- Роберт СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ. **Одна слеза, одна улыбка...**
Повесть. VIII—63; IX—30.
- Виктория СИНЮК. **Мелодия сонатины.** Рассказы. I—96.
- Василь ТКАЧЕВ. **Моменты.** Кинороман. II—16.
- Сергей ТРАХИМЕНОК. **Принцип слабого звена.** Кинороман. I—19.
- Елена ЧИЖЕВСКАЯ. **Родной земли музыкант.**
Художественно-документальная повесть. IX—3; X—22.

«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА» В «НЁМАНЕ»

- Овсей ДРИЗ. **Ни заплакать, ни засмеяться.** Стихи.
Перевод с идиш Елизаветы Полеес. VI—115.
- Петр ПАЦЕВ. **С колючим одиночеством в борьбе.**
Стихи. Перевод с болгарского Елизаветы Полеес. VI—112.

МОЛОДОЙ ПЕРЕВОДЧИК

Совместный проект с Минским государственным лингвистическим университетом

- Юлия АЛЕЙЧЕНКО. **Глаза зимнего бога.** Рассказ.
Перевод с белорусского Полины Михайловой. I—105.
- Раскин БОНД. **Фотография.** Рассказ.
Перевод с английского Анастасии Криворучко. III—91.
- Перевод с белорусского Екатерины Кадол.* IV—102.
- Наум ГАЛЬПЕРОВИЧ. **Мгновения памяти.** Из цикла «Селфи памяти».
Перевод с белорусского Полины Клопоток. XII—103.
- Виктор ГОРДЕЙ. **Сваха баба Лизавета.** Рассказ.
- Виктор ГОРДЕЙ. **Лекарство от тоски.** Рассказ.
Перевод с белорусского Софьи Капустиной. X—108.
- Татьяна ДЕМИДОВИЧ. **Когда выпадет снег.** Рассказ.
Перевод с белорусского Алины Карпович. III—79.
- Казимир КАМЕЙША. **Печатью времени...** Лирические миниатюры.
Перевод с белорусского Дарьи Метелицы. V—97.
- Наталия КОСТЮЧЕНКО. **Слово редактора.** О совместном проекте с Минским государственным лингвистическим университетом. I—104.
- Уильям Уилфред КЭМПБЕЛЛ. **Любовь пришла.**
Одно стихотворение. Перевод с английского Юлии Пучило. II—111.
- Маргарита ЛАТЫШКЕВИЧ. **Дыля.** Рассказ.
Перевод с белорусского Светланы Полочаниной. II—99.
- Микола МЕТЛИЦКИЙ. **Сполохи давних зарниц.** Рассказ-воспоминание.
Перевод с белорусского Елизаветы Ковалевой и Антонины Сорокиной. XI—108.

- Джон О'ХАРА. Женщины с Мэдисон-авеню.** Рассказ.
Перевод с английского Наталии Зырко. XII—109.
- Слепая собачка Чиндо.** Испанская народная притча.
Перевод с испанского Анны Любчук. X—118.
- Элвин Брукс УАЙТ. Второе дерево от угла.** Рассказ.
Перевод с английского Виктории Толстых. V—100.
- Инна ФРОЛОВА. При лунном свете.** Стихи.
Перевод с белорусского Анны Казак и Дианы Терешко. II—106.
- Марк ДИ ФРУШИО. Врозь.** Рассказ.
Перевод с английского Полины Олехник. I—115.
- Татьяна ЦВИРКО. Я ищу Его следы.** Стихи.
Перевод с белорусского Мариш Грищук. III—91.
- Татьяна ЦВИРКО. Я ищу Его следы...** Стихи.
Перевод с белорусского Дарьи Гринюк. IV—113.
- Кэрол ШИЛДС. Приглашения.** Рассказ. *Перевод с английского Вероники Ловкис.* IV—115.
- Виктор ШНИП. Трава бесконечности.** Дневниковый роман поэта.
Перевод с белорусского Татьяны Дашкевич, Илоны Мельник, Елизаветы Ковалевой. IX—75.
- Ольга ШПАКОВСКАЯ. Я — ветер.** Стихи. *Перевод с белорусского Ульяны Ковалевой и Анастасии Ивасюк.* I—110.

ВРЕМЯ. ЖИЗНЬ. ЛИТЕРАТУРА

- Елена БОБОК. Откровенно обо всем. Николай Чергинец.**
Интервью с народным писателем Беларуси Николаем Ивановичем Чергинцом. XI—122.
- Библиотека и время.** *Круглый стол с директорами областных библиотек.* IX—120.
- Марина ИВАНОВА. Марина Игнатович: «В библиотеке не должно быть тишины».** *Интервью с директором Гродненской областной научной библиотеки имени Е. Ф. Карского.* VIII—112.
- Марина ИВАНОВА. Библиотека — это не просто полки с книгами...**
Интервью с директором Минской областной библиотеки имени А. С. Пушкина Наталией Вацило. X—128.
- Валерий МАКСИМОВИЧ. Во имя творчества любви.** Эссе. IV—119.
- Игорь НАЙДЕНКОВ. Этот поразительный Леклезьо!** XI—134.
- Ольга ПОКЛОНСКАЯ. Не поле перейти...**
Беседа со Светланой Евсеевой. VIII—119.
- Полвека с «Мастацкай літаратурай».** *Казимир Камейша, Микола Чернявский, Виктор Гордей, Валентин Губарев, Раиса Боровикова, Алена Масло.* III—96.
- Современная Беларусь и белорусская литература. Взгляд со студенческой скамьи.** *Круглый стол с участием студентов Белорусского государственного технологического университета. Подготовила Наталия Костюченко.* IX—132.

ДОКУМЕНТЫ. ЗАПИСКИ. ВОСПОМИНАНИЯ

- Иркутская муза Николая Лобана.** *Публикация, вступительное слово и послесловие Александра Ващенко.* V—105.

- Ирина МЫШКОВЕЦ. **Иван Плехан. Крестный отец Максима Богдановича.** VIII—126.
Надежда САЕВИЧ. **«Песней только на свете живу я...»:**
литературные и дружеские связи Янки Купалы
и Аполлона Коринфского. VII—130.
Микола ТРУС. **Академик с душой поэта: неизвестные архивы**
Ивана Замотина. VI—117.
Микола ТРУС. **Минский диптих: первые рецензии на сборник**
Янки Купалы «Жалейка». VII—120.
Ирина ШАТЫРЕНОК. **Версия русского детектива.** XII—113

НАСЛЕДИЕ

- Елена КОШКИНА. **Мы уходим по белому снегу... Стихи.** IX—69.
Три текста Лилии Брандбовской. Публикация, вступительное слово
и комментарии Татьяны Орловой. IV—126.
Микола ШАБОВИЧ. **Звезде еще долго светить... Стихи.**
Вступительное слово и перевод с белорусского Елизаветы Полес. V—90.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Анна НОВОСЕЛЬЦЕВА. **Романная хроника Владимира Гниломедова**
как идейно-художественное явление. XII—120

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

- Алесь КАРЛЮКЕВИЧ. **Нравственные причины. К 95-летию**
Алесь Адамовича. IX—141.

Искусство суждения

- Зинаида КРАСНЕВСКАЯ. **Советы завязтого книгочеля.** II—120.

С точки зрения рецензента

- Татьяна ДАШКЕВИЧ. **ДНК Анатоля Козлова. О книге прозы**
Анатolia Козлова «Паразумеца з ветрам». VII—136.
Елена КИСЕЛЬ. **«Уласны крыж» Маргариты Латышкевич:**
перекрестье истории, жанров, судеб. III—129.
Инесса МОРОЗОВА. **Малый город в большой судьбе страны.**
Рецензия на книгу прозы Олега Ждана-Пушкина «Оазис». X—133.

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

- Юлия АНДРЕЕВА. **Люди и ковид.** I—117; II—112.
Юлия АНДРЕЕВА. **Любви не существует?**
Разговор с психологом о высоких чувствах. III—124.
Алексей БЫЧКОВ. **Дело No...**
Документально-публицистическая повесть. IX—94.

Татьяна ДАШКЕВИЧ. **Стрессоустойчивость — реальность или миф?** *Разговор с врачом-психотерапевтом Татьяной Романовской.* X—121.
Елена ЛИТВИН. **Кафе «БАЛКОН».** XII—127/

НАПОСЛЕДОК

Имена

Анатолий ЗЭКОВ. **Неюбилейные заметки на полях памяти.** *К 65-летию Алеся Письменкова.* II—140.
Алесь КАРЛЮКЕВИЧ. **Перелистывая Пимена Панченко.** *К 105-летию народного поэта Беларуси.* VIII—141.
Кирилл ЛАДУТЬКО. **Борис Заборов: между прошлым и будущим.** I—136.
Хэ-хэ ЦЗИ. **Белорусские силуэты или белорусская идентичность: Владимир Кигн-Дедлов о себе и литературных героях.** I—131.
Татьяна ШАМЯКИНА. **Вячеслав Рагойша — человек пассионарный.** VI—128.

Книгосфера

Валентина БАРАНОК. **Где живу — там центр Вселенной.** *О книге для детей Тамары Красновой-Гусаченко «Край родной, любимый».* V—142.
Людмила ВОРОБЬЁВА. **Предошущение любви.** *О книге Валентины Поликаниной «Исцеление верностью».* VI—142.
Татьяна ДЕМИДОВИЧ. **Все чудесное — впереди.** *О книге для детей Инны Фроловой «Вясковыя вакацыі».* IV—140.
Анатолий ЗЭКОВ. **Житейские истории от Миколы Чернявского.** *О книге Миколы Чернявского «Вяселле ў Налібоках».* III—142.
Анатолий ЗЭКОВ. **От буквы к букве.** *О книге Светланы Богуш «Гарлачык для гусі».* IV—142.
Анатолий ЗЭКОВ. **Ты оставил свой след на земле.** *О книге поэзии Миколы Шабовича «Пад маміным крылом...».* VI—139.
Алесь КАРЛЮКЕВИЧ. **Дон-Аминадо, Виталий Вольский и Анатолий Тычина: с экслибрисом по Беларуси.** II—134.
Инесса МОРОЗОВА. **Поэтические смыслы Владимира Мозго.** I—141.
Михаил ПОЖАРИЦКИЙ. **Ода мужеству.** *Рецензия на книгу Руслана Козловского «Через тернии...».* X—142.
Виталий СИНЕНКО. **Нельзя забыть.** *О книге Натальи Советной «Затаенное слово».* I—139.
Елена СТЕЛЬМАХ. **О чем поет Гусяр?** *О книге Андрея Скоринкина «Цветы на кургане».* II—138.
Елена СТЕЛЬМАХ. **Книга, которая поет...** *О книге Ольги Брилон «Белорусская эстрада. Ностальгический дивертисмент. История эстрады Белорусской государственной филармонии. 1930–1980-е годы».* III—137.

Литературное содружество

Кастусь ХОДЫКО. Беларусь — Казахстан:
заглянуть за горизонты. V—139.

Чжан ХУЭЙЦИНЬ, Алесь КАРЛЮКЕВИЧ. От Ай Цина
до Янь Гэлин. VI—137.

Жизненные сюжеты

Александр КОНИН: «Печник — всегда философ». Беседовал
Изяслав Котляров. VI—132.

Память

Надежда САЕВИЧ. Жизнь в фотографиях. Из истории комплектования
коллекции фотографий Государственного литературного музея
Янки Купалы. VIII—135.

Сергей ЧИГРИН. Документы Владислава Чаржинского из архива
Казанского медицинского университета. XII—131.

Авторы номера

ГРИШКОВЕЦ Валерий Федорович. Родился в 1953 году в Пинске. Учился в Белорусском государственном университете. Окончил ВЛК Литературного института им. А. М. Горького (Москва). Поэт, прозаик, переводчик. Автор ряда книг. Лауреат нескольких республиканских и международных литературных премий, в том числе «Золотое перо России». Награжден медалью Франциска Скорины. Живет в Пинске.

АВРУТИН Анатолий Юрьевич. Родился в 1948 году в Минске. Окончил Белорусский государственный университет. Автор двадцати трех поэтических сборников, изданных в Беларуси, России, Германии и Канаде. Лауреат Национальной литературной премии Беларуси, Большой литературной премии России и многих других. Академик Международной Славянской (Варна, Болгария). Награжден орденом Франциска Скорины и одноименной медалью. Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Живет в Минске.

ДРОБЫШЕВСКАЯ Валентина Станиславовна. Родилась в 1972 году в деревне Большая Рогозница Мостовского района Гродненской области. Окончила филологический факультет Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина. Автор поэтических сборников «По струнам сердца», «В поэзии Небесного скитальца», «Чтоб у неба остаться в груди». Произведения публиковались в периодических изданиях Беларуси, России, Канады, Америки, Сербии, Чехии. Лауреат нескольких республиканских и международных премий. Преподает русский язык и литературу. Живет в Минске.

КУЛЕШ Михаил Иванович. Родился в 1956 году в деревне Полкатичи Ивановского района Брестской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Поэт, переводчик. Автор нескольких поэтических сборников, в том числе «Белые ночи», «Окна, «Я уже не тот...». Живет в Бресте.

ИВАНОВ Максим Сергеевич. Родился в 1976 году в Минске. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Печатался в республиканских периодических изданиях. Автор книги «Концерт пот заявке неизвестного». Живет в Минске.

МАЦЕВИЛО Нина (Рудая Нина Ивановна). Родилась в 1935 году в деревне Лысица Брестской области. Окончила Минский государственный педагогический институт иностранных языков. Автор книг для семейного чтения «Последняя гроза: невыдуманные рассказы о природе и животных», «Жили-были два кота», «Сороки да вороны». Лауреат нескольких международных литературных конкурсов. Живет в Минске.

КАЛЬКО Николай Иванович. Родился в 1962 году в деревне Рагодошч Ивановского района Брестской области. Окончил Пинский мясо-молочный техникум. Печатался в периодических изданиях Беларуси и коллективных сборниках. Живет в Пинске.